

ЗЕРКАЛО ЗАГАДОК

5,90 DM

Культурно-политический журнал

**Spiegel der
Geheimnisse 3**

Berlin, 1996

Magazin für Kultur & Politik

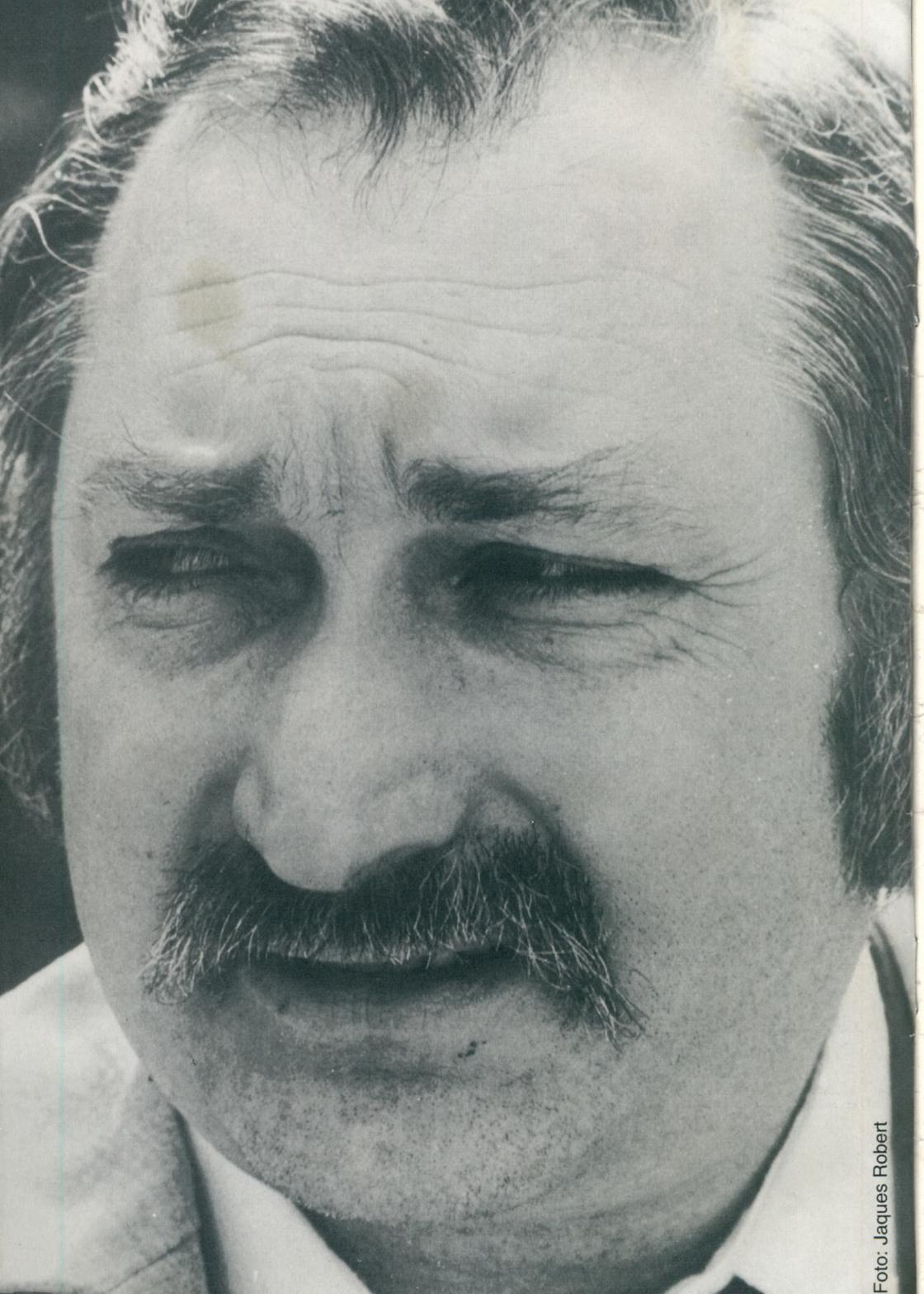

Foto: Jaques Robert

Зеркало Загадок

независимый культурно-политический журнал на русском языке

Speculum in aenigmate

О, Русская земля,
уже ты за холмом.

Spiegel der Geheimnisse

Выпуск 3, Берлин 1996

Редакция

главный редактор

Игорь Полянский

литературный редактор

Мина Полянская

технический редактор

Борис Антипов

отдел рекламы

Яна Кириллова

Редакционная коллегия

Томас Габлер (Берлин),

Надежда Брагинская (Нью-Йорк),

Ирина Вербловская (Петербург),

Леонид Кац (Берлин),

Лариса Макеева (Берлин),

Матиас Швартц (Берлин).

Корреспонденты

Мюнхен: Аркадий Полонский,

Иерусалим: Соня Бабкова,

Митя Горошевский

ZERKALO ZAGADOK

(Spiegel der Geheimnisse)

unabhängiges russischsprachiges

Magazin für Kultur & Politik

Heft 3, März / Berlin 1996

Redaktion

Chefredakteur Igor Polianski

Literaturredakteurin Mina Polianski

Technischer Redakteur Boris Antipov

Werbung und Anzeigen Jana Kirillova

Redaktionsbeirat

Nadeschda Braginski, Thomas Gabler,

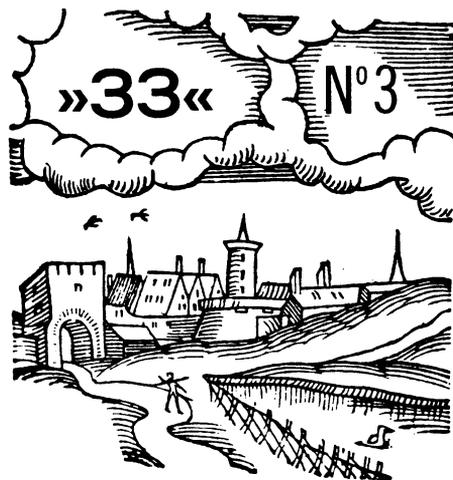
Leonid Kaz, Larisa Makeeva,

Matthias Schwartz, Irina Werblowski,

Korrespondenten

München: Arkadij Polonski

Jerusalem: Sonja Babkow, Mitja Goroschewski

Дизайн/Design

SupportAgentur Gabler & Lutz GbR

Типография/Druck: Weinert GmbH

Адрес редакции/Redaktionsadresse

Zerkalo Zagadok, Torstr. 7 B 2,
10119 Berlin, Tel./Fax 441 03 48 (59).

Im Verlag der SupportEdition

Postfach 610378, 10926 Berlin.

Bei namentlich gezeichneten Beiträgen
liegen Rechte und Verantwortung
bei den Autoren.

Мнение редакции не всегда совпадает
с мнением авторов публикаций.

ISSN 0949 - 2089

СОДЕРЖАНИЕ

Наша общественная жизнь

Затянувшееся чаепитие. Из летописи эмиграции
"четвёртой" волны, интервью с Петером Майером,
адвокатом "Трёхсот советских израильтян" в Германии **Игорь Полянский 3**

Политика, экономика

Мультимедиа. Экономический обзор **Борис Антипов 12**

Гетто-большевизм и загадка смерти Ицхака Рабина **Фридрих Горенштейн 14**

Легенда о безупречном Вермахте
и простом подневольном солдате **Матиас Шварц 22**

Из истории государства немецкого

Унтер ден Пальмен или быль о Бранденбурге в Африке **Игорь Полянский 26**

Прогулки по Берлину

Дом искусств **Мина Полянская 29**

Литература, искусство

Русская литература и свобода. Часть первая **Ефим Эткинд 32**

На вокзале. Рассказ **Фридрих Горенштейн 36**

Досье Фёдора Тютчева № 38461 **Аркадий Полонский 44**

Творческие объединения Берлина

Объединение "Студия". Цена познания. Рассказ **Леонид Кац 50**

Зазеркалье

Русские паломники в Палестине.
К трёхтысячелетию Иерусалима **Шимон Черток 51**

Наша юридическая справка

"Дубликаты бесценного груза" **Иосиф Химмельман 56**

На обложке:

1 стр. Берлинское литературное кафе 20-х годов,

2 стр. Фридрих Горенштейн,

3 стр. Демонстрация "300-т советских израильтян" в 1991-м году
(фото Ефима Моргулина),

4 стр. Печати русских издательств, книжных магазинов и библиотек
в Берлине 20-х годов.

Затянувшееся чаепитие

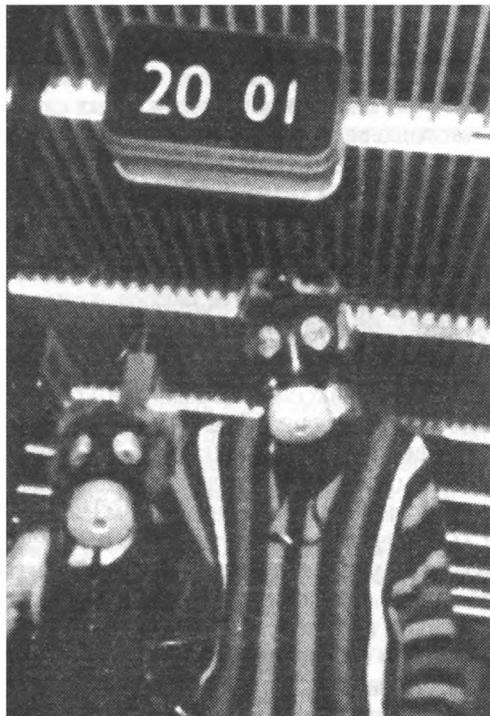
Из летописи эмиграции "четвертой" волны, интервью с Петером Майером, адвокатом "Трехсот советских израильтян" в Германии

Игорь Полянский

По вашим словам, вас приняли как землемера, но, к сожалению, нам землемер не нужен. . .

- Но как же можно! - крикнул К. - неужели я проделал весь этот долгий путь, чтобы меня отправили обратно?

Франц Кафка, "Замок"

В аэропорту Бен Гурион во время войны в Персидском Заливе

Морозной февральской ночью 1991-го года в будапештском пересадочном спецаэропорту встретились две группы "лиц". В зале №1 было много охраны, а охраняемый народ был большей частью в шапках-ушанках, шубах и дублёнках. В зале №2 охраны не было, а народ собрался уже весь без ушанок. Впрочем, в экипировке здесь не

наблюдалось единой линии. Лица в зале №2 походили скорее на людей, внезапно поднятых ночью по тревоге и натянувших на себя первое попавшееся под руку. Тут были почтенные господа почему-то в спортивной форме, с ними барышни в летних плащах, и одна дама одновременно даже в юбке и джинсах.

При всём разительном несходстве лиц из первого и второго зала их объединяло одно: они говорили по-русски. Однако ехали они в поисках счастья в противоположных направлениях.

Ушанки отправлялись на постоянное жительство в Израиль, а "лица" без ушанок только что покинули историческую родину, спустившись по трапу самолёта Тель-Авив - Будапешт, и ожидали утреннего автобуса в центральный аэропорт, откуда собирались вылететь в Берлин. Учитывая, что самолёты отправлялись в столь различные климатические зоны, логично было бы лицам из первого зала поменяться одеждой с лицами из второго. Но в обстановке полнейшего абсурда отрезвляюще-здоровый обмен, конечно же, не мог иметь места. Покинем "лиц" в ушанках, отправляющихся на солнечный юг, последуем за "спортивными костюмами". . .

Через несколько часов пограничники восточно-берлинского аэропорта Шёнефельд оказались в затруднительной ситуации. Из самолёта, прибывшего из Будапешта, выгрузилась равномерно распределённая меж

прочих, вполне нормальных пассажиров, группа "лиц", на первый взгляд, друг на друга не похожих, но объединённых, казалось, некоей общей идеей. По окончании проверки документов выявилась знаменательная закономерность: все вышеупомянутые лица контрольного пункта не прошли и, как сказал бы химик, адсорбировались на нейтральной территории, образовав вполне сплочённую группу. Дело в том, что все они предъявили пограничникам временные израильские паспорта задорного апельсинового цвета. "Апельсиновым израильтянам" предложили остаться в тамбуре перед огромной вывеской на русском языке, видимо сохранившейся со времён ГДР, "Добро пожаловать". Едва ли кто-нибудь из новоприбывших подозревал тогда о том, что надпись эта звучала в данном историческом контексте самым издевательским образом. Германия в действительности открыла двери евреям из СССР, но только не "апельсиновым израильтянам". Пограничники никак не могли взять в толк, с кем, собственно, они имеют дело, куда-то звонили и, наконец, решив, вероятно, что перед ними "неправильные израильтяне" (у правильных паспорта синие), потребовали приобрести въездные визы.

Впрочем, стоит отметить, что в Шёнефельде нашёлся один здравомыслящий человек, а именно - рабочий камеры хранения, незамедлительно с пролетарской прямоотой поставивший верный диагноз: "schon wieder diese Russen!" (опять эти русские!). Впоследствии прибывшие разными путями в Берлин зимой 1990-91 гг. (а их, как оказалось, было около 300 семей) долго и безуспешно пытались доказать, что являются не израильтянами, а бывшими советскими гражданами. Тем не менее, немецкие власти признали их гражданами государства Израиль, лишив их тем самым права на статус контингентных беженцев, и терроризировали угрозами высылки из страны в течение 24-х часов.

- В деле приёма еврейских беженцев сле-

дует проявлять "особую щедрость", - заявил 9 января 1991-го года министр внутренних дел ФРГ Вольфганг Шойбле (ХДС), почти дословно процитировав распоряжение Эриха Хонекера об "особой щедрости" по отношению к еврейским общинам ГДР. Мы знаем уже о тайных причинах старческого филосемитизма генерального секретаря (читайте "ЗЗ" - 2). Что же касается планов и надежд правителей свежееобъединившейся Германии - о них история пока умалчивает. Какие цели преследовало правительство ФРГ, поддержав решение о приёме еврейских беженцев? Мы верим - вполне благородные. Впрочем, сегодня становится всё более очевидным, что козырная карта - 6 миллионов уничтоженных евреев - часто, слишком часто использовалась и евреями, и неевреями ради славы, денег и власти, и как сказал бы Гомер - ради "корыстей кровавых". Результат - девальвация на крови заработанного морального капитала.

Как бы то ни было, "установка на щедрость" многократным эхом отозвалась в немецких землях от Бадена до Померании, от Нижней Саксонии до Бранденбурга. Вот ещё одно заявление: "Все евреи, прибывшие в Берлин, могут здесь остаться", - пообещал в своей официальной речи тогдашний сенатор Берлина по внутренним делам Петцольд (СПД). Серьёзный политик. Человек недюжинного ума. . . Что побудило его сделать подобное заявление? Служебное рвение, немецкий комплекс вины или ещё не выветрившийся силвестр?

Евреи не заставили себя долго ждать. Нет, не опустели нью-йоркские улицы ювелиров, но в русскоязычных газетах Израиля появились странные объявления типа: "Оформляем визы в Германию".

В январе 1991-го года война в Персидском заливе была в самом разгаре. На территории Израиля несмотря на нелётную погоду поочередно приземлялись иракские ракеты "Скад" и самолеты "Эль-Аль", гружённые репатриантами из Советского Союза. На крайнем севере - в Назарете и на далёком

солнечном юге - в Эйлате, и в сердце страны - в Иерусалиме раздавался голос диктора радио "Кол Израель" Мордехая Кармона. Новоприбывшие блокадные старушки обливались слезами в загерметизированных комнатах, вспоминая молодость, "тарелки", сирены воздушной тревоги и голос незабвенного Левитана: "От советского Информбюро. . ." В новой стране жизнь начиналась заново, и нестерпимо хотелось бежать на крышу и гасить, гасить зажигалки.

Меж тем, репатрианты неуклонно прибывали. Всего лишь два с небольшим часа полёта отделяли их от гэбистов, черносотенцев и заплаканных друзей и родственников. Чуть ли не на трапе самолёта эмигранты получали израильские удостоверения личности и противопогазы с инструкциями по их использованию:

Защитный футляр для грудного ребёнка
При объявлении химической тревоги вынуть защитный футляр, раскрыть его. . . После того, как ребёнок положен в футляр, нельзя открывать футляр до получения разрешения о снятии масок. Все операции по уходу за ребёнком следует выполнять только при помощи перчаток-рукава. Футляр с ребёнком следует установить в прохладном месте. . .

Вот один из январских репортажей радиостанции "Кол Израель" из тель-авивского аэропорта Бен Гурион, записанный на плёнку:

Репортёр: Скажи, пожалуйста, ведь ты знал о том, что здесь чрезвычайное положение, военная ситуация. Тебя это никак не пугало? Не останавливало?

Новоприбывший из Винницы: Нет, не останавливало, не пугало.

Р: Почему?

И: Ну, потому, что я знал про силу израильской армии. Лично я думаю, безопасность здесь больше, чем в Советском Союзе.

Р: Значит, ты решил, что из этих двух опасностей в Израиле наименьшая?

И: Да.

Р: Что думали твои друзья, товарищи, соседи об этом?

И: Мои друзья-товарищи-соседи - все говорили, что я правильно делаю. Соседи были и русские, и украинцы - все говорили, что молодец, поез-

жай - хуже не будет.

Насколько нам известно, лица, покидающие Израиль в январе-феврале 91-го года, интервью не давали. Однако можно предположить, что и они, подобно репатрианту из Винницы, решились на этот шаг в полной уверенности, что "хуже не будет". Такова уж печальная логика "перемещённых-перемещающихся лиц" в принятии жизненно важных решений. Перед эмигрантами из Советского Союза всегда стоял выбор между Израилем, Америкой и Европой. Свобода в принятии решения, куда ехать, неизменно была ограничена. Прежде всего тем, что если не единственной, то, по крайней мере, наиболее реальной возможностью покинуть СССР, было получение израильской визы.

Орнитологи, пользуясь методом кольцевания диких уток, пришли к выводу, что лишь около 50 процентов этих перелётных птиц достигает берегов Африки. "КПД" еврейской миграции в Израиль близок к этой цифре. В 1972 году из 32 тысяч, покинувших СССР, только 250 "граждан без гражданства" (менее одного процента) не прибыло в назначенный пункт, в 1974 году - 4 тысячи из 20600 (20 процентов), в 1978 году - 17 тыс из 28600 (59 процентов, из них 58 процентов отправилось в Америку и 7 процентов - в Европу), в 1979 году - уже целых 34 тыс из 51300 (66 процентов) не доехало до Израиля (данными о 80-х и 90-х годах мы, к сожалению, не располагаем). Едва ли существуют точные сведения о том, сколько репатриантов впоследствии покинуло Израиль. Большинство отправлялось в Америку, немногие - в Европу, в частности - в Германию.

В начале 90-х годов Германию окатил девятым вал, скромно именуемый "четвёртой волной" советской эмиграции. Эмигранты из бывшего СССР - это, главным образом, "русские немцы". Их массовый исход начался в 1987 году - 15 тысяч человек, в 1988 году выехало уже 47500, в 1990 - 148 тысяч, в 1992 - 195 тысяч, в 1994 - 210 тысяч, в 1995 - 200 тысяч. Еврейских беженцев намного меньше. В среднем в год

в Германию въезжает около 25 тысяч советских евреев.

В Германии начинает накаляться борьба за новоприбывшие души. В начале девяностых сотни Чичиковых промчались по стране в своих брничках в поисках "мёртвых душ" для всевозможных культурных объединений, клубов и общин.

Сегодня, например, около 70 процентов членов Еврейской Общины Берлина - русскоговорящие. Завоевать симпатии новоприбывших - растерянных и деклассированных людей сегодня - означает заручиться поддержкой многих тысяч освоившихся, социально и финансово "поднявшихся" завтра. Поэтому понятно, почему различные еврейские организации, каждая на свой лад, пытаются убедить общественность в том, что начало приёма евреев в Германии - именно их заслуга.

"Демократический список" - оппозиционный блок Еврейской Общины Берлина сообщает: "Мало кто из новоприбывших знает о том, что их принимали в Восточном Берлине по решению нового режима ГДР с предоставлением статуса беженца, автоматически полученного и той частью евреев, которые поселились в Западном Берлине. Этот факт не только замалчивается, но иммигрантам ещё и внушают, что это "благодаря..."

Бывший председатель Еврейской Общины

Берлина Галинский 17 мая 1991 года: "Мы - первая община, которая приложила к этому свои усилия..."

Ирена Рунге, глава Еврейского Культурного Объединения: "Кто помнит сегодня тот день, 6 февраля 1990 года?.. Обращение к правительству Модрова было инициативой Еврейского Культурного Объединения, находившегося тогда в стадии создания..."

Ульрих Леви, бывший глава еврейской общины земли Sachsen Anhalt: "Приём еврейских беженцев начался у нас, в нашей общине!"

"Кто же был первым, и кто был последним?" Кто "первый корысти кровавые добыл"? После того, как осенью 1989 года старое руководство ГДР подало в отставку, к власти в стране пришло "временное правительство" Модрова, принявшее решение о предоставлении советским евреям убежища. Сменившее его правительство де Мезиера (бывшего адвоката еврейской общины Адаас Исроел) начало практическое осуществление решений Модрова. В середине 90-го года право на жительство в ГДР евреям обеспечивал частично потерявший силу закон об иностранцах. Одиннадцатого июля 1990-го года правительство де Мезиера продлило его действие. Мало того, он был усовершенствован. В соответствии с ним евреям, которым угрожали дискрими-

нация и преследования по причинам гуманитарного характера предоставлялся вид на жительство в ГДР.

Это началось в апреле 1990-го года, когда первые 70 туристов и командировочных, по удачной случайности оказавшихся в нужной стране в нужный час, обратились в полицию ГДР с просьбой об убежище. К тому времени они уже где-то слышали, что это возможно. А накануне 3 октября 1990 года, даты запланированного объединения страны, в Берлине "сдавалось" уже по 100 человек в день. Вероятно, никогда не удастся установить, насколько велика была в то смутное время, как, впрочем, и позднее, концентрация евреев в общем потоке бегущих из Советского Союза. Была слешка, давка и на тщательную проверку документов не оставалось времени. Грядущее воссоединение заставляло спешить. "Сдающихся" волновал лишь один единственный вопрос: "продолжат ли приём?" Приём продолжили, а 9 января 1990-го года (мы возвращаемся к началу этой статьи) министр внутренних дел Германии Шойбле произнёс свою знаменитую "щедрую" речь. Премьер-министры всех немецких земель постановили и в дальнейшем предоставлять евреям статус контингентных беженцев (также и задним числом, если въезд произошёл между 1 июня 1990 года и 15 февраля 1991 года).

Не случайно, что именно в таком политическом контексте желание остаться в Германии всего лишь около 300 советских евреев, проживших менее года в Израиле (рекорд - 4 часа в аэропорту Бен Гурион), вызвало смятение представителей немецких властей. Холодящие кровь сцены будоражили воображение чиновников: население Израиля в полном составе (300 евреев - лишь авангард, посланный в разведку боем) штурмует немецкий "социаламт", любимый фатерлянд в страхе перед обвинением в антисемитизме сдаётся без боя. "Пусть отправляются туда, откуда прибыли" - беспартийно заявил министр Шойбле. Известно, что всякий комплекс, не важно -

вины или невинности - опасное явление, находящее себе выход самым непредсказуемым образом. Комплекс человека частного и дрожании рук, комплекс национальный - в дрожании рук государственных. Политолог, несомненно, обнаружил бы множество объективных причин, повлиявших на решение властей не принимать советских израильтян, прежде всего - опасность создания прецедента, который мог бы послужить сигналом для тысяч бывших советских граждан в Израиле заново паковать чемоданы. Однако этот политический сюжет разыгрывался, вероятно, ещё на одном - иррациональном - уровне, в сфере национального подсознания. Говорят, от любви до ненависти один шаг. Заряд щедрости и благородства по отношению к советским евреям с той же силой, но с обратным знаком обрушился на головы "трёхсот".

Кульминацией разразившейся драмы явилось объявление в одном из общезначимых о том, что на завтра придут автобусы для насильственной отправки "израильтян" в аэропорт. Однако, получив огласку, дело приняло неожиданный оборот. Газеты заплестрели заголовками: "Высылка трёхсот евреев в Израиль", "300 русских евреев не хотят возвращаться в Израиль!", "Конечная остановка - тюрьма для иностранцев", "Остановите насилие против советских евреев!" И это на фоне грандиозной акции по искуплению вины перед еврейским народом и приёму беженцев из СССР! А тут ещё, откуда ни возьмись появились американцы. CNN собралась снимать фильм о репрессиях против евреев в Германии. Один из референтов бургомистра в частной беседе с американским журналистом, свидетелем которой был также и автор этой статьи, присутствовавший при съёмках в качестве русско-английского переводчика, следующим образом объяснил ему свою позицию: "Представьте себе, что вы пригласили гостей на чай, а они, выпив чаю, просят ещё, а затем заявляют: "Нам у вас понравилось, мы остаёмся".

И всё же властям так и не удалось избавиться от 300 "апельсиновых израильтян". Они вынуждены были принять половинчатое компромиссное решение. Статус, предоставленный "израильтянам", ограничил их в правах по сравнению с беженцами: в праве на безвизовый въезд в европейские страны, на самостоятельную трудовую деятельность, на бесплатные курсы немецкого языка, на курсы переквалификации, на стипендию в Университете, на работу по многим специальностям и т.д. Однако высылка из Германии им более не угрожает. Чаепитие затянулось надолго. С тех пор минуло ровно 5 лет. К "юбилею" мы попросили одного из адвокатов "группы 300" дать "Зеркалу Загадок" интервью.

Интервью с Петером Майером, адвокатом "300-т" советских израильтян

Зеркало Загадок. Господин Майер, расскажите, пожалуйста, что побудило лично Вас и Ваших коллег Марию Вилкен и Клауса Розенкранца взять под свою защиту евреев из СССР, прибывших в Германию через Израиль?

Петер Майер. Поначалу защитой 269 так называемых израильтян занималась организация Arbeiterwohlfahrt. Это объединение помогало в то время иностранцам получать места в общежитиях, добиваться социальной помощи и т.д. Но ситуация группы "израильтян" имела политическую окраску. Поэтому сотрудники объединения оказались в конце концов в тупиковой ситуации, они не знали что им делать, как поступить дальше. А наше адвокатское бюро было к тому времени на очень хорошем счету, и работники Arbeiterwohlfahrt порекомендовали представителям "группы 300" обратиться к нам.

А вот почему мы согласились взяться за защиту - это уже другая и очень долгая история. Я и мои коллеги в бюро принадлежим к так называемому поколению 68-х, участвовали в демократическом студенческом движении конца шестидеся-

тых, боролись против замалчивания национал-социалистического прошлого страны. Потому помочь евреям, приехавшим в Германию, было для нас вполне естественным. Эти люди были насильно лишены советского гражданства, а свои квартиры они сдали государству согласно существовавшему тогда закону. Возвращаться в Израиль им тоже было некуда. Нет, не компенсации, не искупления вины мы добивались, а просто справедливости.

ЗЗ. И Вы, конечно же, верили в успех?

П.М. Да, несомненно! У нас были на то основания. В период, предшествовавший этой истории, нам удалось выиграть несколько дел, также носящих политическую окраску. Собственно, в том-то и секрет, что речь шла не об обыкновенной защите, а о серьёзном политическом столкновении. Мы вели не 300 отдельных дел, но организовали крупномасштабный политический процесс.

ЗЗ. Господин Майер, не могли бы Вы осветить юридическую сторону этого политического дела. Вот, например, передо мной письмо пятилетней давности, в котором Вы требуете со ссылкой на Женевскую конвенцию о беженцах выдать своему подзащитному Reiseausweis и Aufenthaltserlaubnis unbefristet. Это требование было однако отклонено полицией по делам иностранцев. На каком основании?

П.М. Видите ли, нашей изначальной идеей было добиться для "группы 300" статуса контингентных беженцев. Но дело в том, что по закону запрос на предоставление такого статуса нужно подавать до въезда в страну. Сходная ситуация была у беженцев из Боснии. Подавшие запрос на границе, вне Германии, статус получали, те же, кто попытался добиться "беженства" внутри страны, остались ни с чем.

ЗЗ. Тем не менее, этот закон часто обходили. Многие приезжали в Германию и оставались.

П.М. Да, конечно. Многие приезжали в ГДР в 1989 - 1990 годах, когда действовали законы так называемого переходного периода, связанного с объединением страны. Для

юриста это было непростое время. . . Мало кому было ясно, какие законы больше не действуют, а какие наоборот - ещё не вступили в силу. Но, в данном случае, власти опирались на закон, о котором я сказал

ЗЗ. Получается, причиной отказа явилось вовсе не предполагаемое израильское гражданство Ваших подзащитных, не то что они прибыли из демократической страны, а тот факт, что заявки на предоставление им статуса беженцев были поданы в Германии, а не за её границей?

П.М. Причиной явилось и то, и другое. Эти два аспекта невозможно рассматривать в отдельности. Юридическая логика была такова: мы утверждали, что наши подзащитные отправились в Израиль с целью попасть в Германию, поскольку другой легальной возможности приехать сюда у них тогда не было. Ответ Министерства Внутренних дел: "Нет, легальная возможность существовала. Нужно было не в Израиль ехать, а подавать просьбу о предоставлении статуса беженцев в немецкое посольство в России." Ну, а что касается израильского гражданства, оно только осложняло дело.

ЗЗ. А как было на самом деле? Насколько мне известно, в то время, по крайней мере до осени 1990-го года, в СССР выезд на постоянное жительство в Германию ещё не оформился. Приехать сюда можно было только в качестве туриста. В таком случае, утверждения министерства - откровенная ложь!

П.М. Совершенно верно. Откровенная ложь.

ЗЗ. ???

П.М. Теоретически, легальный выезд в Германию на постоянное место жительства был возможен, а практически - нет. Если бы вы в 1989-м или зимой - летом 1990-го года подали такое заявление в посольство, оно было бы отклонено со следующей формулировкой: "с декабря 1973 года в ФРГ действует Anwerbestop", иными словами, закон о прекращении иммиграции.

ЗЗ. Таким образом, отказ "группе 300" в предоставлении статуса основывался на заведомо ложной аргументации.

П.М. Да, по крайней мере в этом вопросе. Если бы нам удалось доказать, что наши подзащитные вынуждены были принять израильское гражданство для приезда в Германию, дело могло бы принять иной оборот. Но беда в том, что ложную аргументацию министерства опровергнуть сегодня невозможно. В министерстве утверждают: "вот если бы эти люди попытались, подали бы заявления в посольство, то их бы там обязательно рассмотрели." Это ложь. Но попробуйте доказать обратное!

ЗЗ. Тяжёлый случай. . .

П.М. Очень тяжёлый. . . Ну, а что касается подданства, то на запрос властей представители посольства Израиля ответили однозначно: "эти люди - наши, израильтяне. Они подали заявления на предоставление им гражданства. Временные паспорта "Лессе Пассе" были выданы им в соответствии с внутренними израильскими законами". Опровергнуть эти заявления невозможно, а спор с Израилем немецкие политики всегда пытаются избежать.

ЗЗ. Нет ли здесь преувеличения? Так ли важна была позиция Израиля в судьбе "трёхсот"?

П.М. Преувеличения нет. Немецкие власти, действительно, оказались в безвыходном положении. Любое решение: выслать ли, оставить ли "израильтян" в стране - вызвало бы негативную реакцию со стороны Израиля. Я полагаю, что и Еврейская Община Берлина не поддержала "группу 300", опасаясь конфликта с Израилем. Хайнц Галинский, тогдашний её председатель, всячески пытался уговорить эту группу людей вернуться в Израиль. Я не знаю, смогли бы мы добиться статуса беженцев для наших подзащитных, если бы Галинский оказался на нашей стороне, но я уверен, что с его помощью вид на жительство в Германии мог бы быть получен без проволочек, издевательств над не знающими, как с ними поступят завтра, людьми. "Это члены нашей Общины, мы за то, чтобы они остались в Берлине", - так должен был заяв-

вить Галинский. Но он этого не сделал.

ЗЗ. А какова была расстановка сил на немецкой политической арене?

П.М. CDU как партия в целом высказалась против группы трёхсот, в первую очередь это был министр внутренних дел ФРГ Шойбле. Однако нашим главным противником, я хочу это подчеркнуть, был представитель правого крыла CDU берлинский сенатор по внутренним делам Хекельман. Он и теперь ещё сенатор, но, вероятно, в скором времени уйдёт с этого поста по требованию SPD (ред. Во время подготовки этого материала к печати Хекельман действительно был снят). Так вот, Хекельман, от которого непосредственно зависела судьба "трёхсот", потребовал, чтобы они отправлялись обратно в Израиль. Что же касается бургомистра Берлина Дипгена, тот спрятался за спину Хекельмана, что называется, "умыл руки". Уполномоченная сената по делам иностранцев Барбара Йон, также представитель CDU, формально была за группу из Израйля. Но только формально. Она не оказала нам абсолютно никакой помощи.

Единственное, что нам оставалось - это оказать давление на несгибаемого Хекельмана, на землю Берлин в целом через высокопоставленных политиков в Бонне. На партию Зелёных рассчитывать нам не приходилось. О, да! Конечно же, они были "за". Но, видимо, это болезнь партии Зелёных: дальше речей, риторики они не пошли. А вот социал-демократы (SPD) нас поддержали. Вот, например, госпожа Штамер, которая недавно баллотировалась на пост бургомистра Берлина, нам помогла. Но многого она сделать не могла, поскольку берлинские социал-демократы состоят в коалиции с христианскими демократами (CDU). И всё же нам удалось найти политиков, которые смогли оказать давление на Хекельмана. Это были В. Тирзе (SPD) и отдельные члены CDU и FDP. Так мы сломили Хекельмана, и он, против своей воли, отдал распоряжение пойти на компромисс - предоставить

"группе 300" двухгодичные виды на жительство (Aufenthaltsbefugnis) и паспорта иностранцев (Fremdenpaß). Статуса беженцев мы добиться не смогли, но и высылка из страны нашим подзащитным более не угрожала.

ЗЗ. Чем же господину Хекельману так не угодили 300 евреев из СССР?

П.М. Не думаю, чтобы у него были личные мотивы. Дело в том, что это человек, так сказать, аполитичный. Хекельман - профессор права, типичный законовед-фанатик и мыслит только юридическими категориями. В сложившейся ситуации нужно было принимать политическое, а не юридическое решение, но политической гибкости от него ожидать не приходилось.

ЗЗ. Господин Майер, Вы играли огромную роль в защите "группы 300", но позднее отошли от этого дела. Пропал оптимизм?

П.М. Не в этом дело. . . Знаете, это уже внутренние дела нашего бюро. . . Мы разошлись во мнениях с Клаусом Розенкранцем по многим вопросам. А кроме того наша адвокатская контора должна была как-то существовать, зарабатывать деньги. Вот почему я занялся делами, которые приносили реальный доход, что позволило Розенкранцу целиком посвятить себя защите "трёхсот".

ЗЗ. Но Вы всё-таки получили какие-то деньги по окончании этой истории?

П.М. Да. . . Двумя годами позже социальные службы нам кое-что заплатили. Если я не ошибаюсь, по 115 марок за человека, из которых 15 процентов, а затем ещё 60 процентов ушли на налоги. Так что, если бы я тогда не занялся более доходными делами, к концу года мы бы просто обанкротились.

ЗЗ. Господин Майер, последний, очень важный вопрос. "Зеркало Загадок" читают многие представители знаменитой "группы 300". Что бы Вы могли им посоветовать? Немецкие израильтяне из СССР до сих пор ограничены во многих правах, не уверены в будущем. Что их ожидает?

П.М. Возможно, я своим ответом в чём-то успокою некоторых читателей "Зеркала

Загадок", а в чём-то - наоборот, разочарую. Решение сената о предоставлении 2-х годовичного вида на жительство никогда не будет пересмотрено. Это моя стопроцентная уверенность. Таким образом, этой группе людей не угрожает высылка из страны.

ЗЗ. Но в законе об иностранцах в параграфе 34 абзац 2 (ред. Читайте "ЗЗ" - 2) сказано, что такой вид на жительство не продлевается в случае, если причины для его предоставления отпадут.

П.М. Совершенно верно. Но причина, по которой этой группе был предоставлен вид на жительство, не исчезнет никогда. Земля Берлин официально признала как данность, как гуманитарную причину, что 300 евреев не могут жить в бывшем Советском Союзе и не хотят жить в Израиле. Причина эта перепроверке не подлежит, независимо от изменений политической ситуации в бывшем СССР или Израиле. Таков закон.

ЗЗ. И даже в том случае, если кто-либо из Ваших бывших подзащитных совершит поездку в Израиль для получения постоянного израильского паспорта?

П.М. Нет, только не в этом случае! Здесь я вижу серьёзную опасность. Обыкновенная туристская поездка в Израиль этим людям ничем не угрожает, а вот получение постоянного израильского документа может послужить причиной для отказа в продлении вида на жительство в Германии. Впрочем, не думаю, чтобы немецкие власти по собственной инициативе предприняли проверку, у кого израильский паспорт есть, а у кого - нет. Этого они делать не станут.

ЗЗ. Касается ли всё сказанное также российского гражданства?

П.М. Нет. Я полагаю, получение российского паспорта никак не может повлиять на дальнейшее развитие событий. А развитие событий будет следующим: после предоставления двухгодичной визы 4 раза, т.е. через 8 лет, те, кто располагает достаточными личными средствами к существованию, то есть работает, не получает социальную помощь, могут претендовать на бессрочный вид на жительство (Aufenthaltsurlaubnis

unbefristet), который поставят в Reisedokument. Думаю, что вид паспорта не изменится. Но существует другой закон: иностранец, проживший 10 лет в Германии, может претендовать на немецкое гражданство, а значит и на немецкий паспорт. Но условия те же: работа, частное предпринимательство. Одним словом, достаточные доходы.

ЗЗ. А как быть пожилым людям, тем, кто едва ли сумеет устроиться на работу?

П.М. К сожалению, они не смогут получить ни гражданства, ни даже просто постоянного вида на жительство. Но Aufenthaltsbefugnis будет им предоставляться каждые два года. Всегда, пока действуют существующие законы. Полагаю, в этом вопросе они не изменятся. Моя рекомендация проста: создавать экономическую базу своего существования в Германии. Претензия на получение социальной помощи - это, между прочим, причина для высылки иностранца из Германии. Это, правда, не касается "группы 300".

ЗЗ. Почему?

П.М. Приведу пример. Вы - журналист, устраиваетесь на работу в немецкую газету, но предупреждаете начальство, что писать статьи будете по-русски. Если газета на эти условия соглашается, то вас никогда уже не смогут уволить по той причине, что вы пишете по-русски, а по-немецки писать не хотите. Точно так же немецкие власти предоставили членам "группы 300" вид на жительство, зная, что они уже получают социальную помощь и будут получать её дальше. Поэтому зависимость от "социаламта" уже не может послужить причиной, чтобы отобрать вид на жительство. Эта юридическая тонкость называется "Vertrauensschutz". Но повторяю: создать экономическую базу, найти работу - залог успеха в лабиринте немецкого законодательства.

ЗЗ. Господин Майер, большое спасибо за беседу.

П.М. И Вам спасибо. Жаль, что я не знаю русского языка. Я бы с удовольствием почитал "Зеркало Загадок".

Мультимедиа

экономический обзор

Борис Антипов

Немецкий газетный ларёк подобен густому лесу, в котором деревья, расталкивая друг друга тянутся к солнцу, он - арена жестокой борьбы за существование между множеством периодических печатных изданий. Сегодня только в Германии их уже почти 4 тысячи. Как черепица налегают друг на друга журналы, в среднем только 6 сантиметров обложки выглядывает наружу на суд покупателя, растерянного жителя информационного века, "эпохи мультимедиа". Впрочем, как и во всяком порядочном лесу в кажущемся хаосе киоска можно найти незримую логику: здесь есть свои газетные дубы и сосны, есть журнальный подлесок и кустарник. Ежегодный анализ популярности средств массовой информации, в частности печатной продукции помогает разглядеть некоторые тенденции на рынке этих "ценных бумаг". Результатов анализа каждый год с нетерпением ждут в издательствах и редакциях. От них зависят тиражи и стоимость реклам.

В 1995 году по данным аналитиков упала популярность немецких экономических магазинов и еженедельных газет. Специальные издания (для автомобилистов, собаководов и т.д.) и журналы для женщин - наоборот завоевали новых читателей.

Среди экономических изданий наибольшие потери понесли журнал *"DM"* - 20% читателей, *"Die Wirtschaftswoche"* - 6% и *"Capital"* - 8%. Лишь один единственный журнал для бизнесменов - *"Manager-Magazin"* смог похвалиться скромным успехом - двухпроцентным приростом популярности.

Прошедший год был удачным только для двух ежедневных межрегиональных газет - *"Frankfurter Allgemeine Zeitung"* и *"Süddeutsche Zeitung"*. *"Frankfurter Rundschau"* потеряла 10% читателей, *"Die Welt"* - 3%, *"Die Bild-Zeitung"* - 1%. Тем не менее *"Die Bild-Zeitung"* до сих пор остаётся самой популярной газетой в Германии - её читает более 11 миллионов человек. На рынке еженедельных газет для большинства из них картина также неутешительная. Потери газеты *"Wochenpost"* - 12%, *"Die Welt am Sonntag"* - 6%, *"Die Zeit"* - 1%.

Обострилась конкурентная борьба на рынке массовых информационных журналов. Основанный Хубертом Бурдой *"Focus"* положил конец безмятежному существованию издателей журналов *"Spiegel"* и *"stern"*. В 1995 году у "Фокуса" было уже на 32% больше читателей, чем в 1994-м. В то же время "Штерн" с трудом сумел добиться лишь трёхпроцентного прироста (его читает около 8,6 млн. человек), а круг читателей "Шпигели" (6,4 млн. человек) вообще не расширился по сравнению с 94-м годом.

В чём же секрет успеха "Фокуса", "журнала новостей без новостей", как его характеризует конкурент - главный редактор журнала *"Tango"*? Может быть в том, что его издатели одни из первых уловили дух времени, наступающей эры "мультимедиа" и "поголовной компьютеризации"? Пёстрые графики и цветные таблицы, прямые, кривые и ломаные роста и падения абсолютно всего: преступности, рождаемости или содержания диоксида углерода в атмосфере, которыми изобилует журнал, создают впечатление объективности, достоверности и надёжности. А что может быть сегодня ценнее и комфортнее, чем ощущение надёжности и достоверности? И что достовернее и надёжнее

современного компьютера? Потому не случаен своеобразный дизайн нового журнала. Читатель перебирает страницы "Фокуса" подобно клавишам компьютера, и временами ему кажется, что перед ним вовсе не пачка цветной глянцевой бумаги, а компьютерный монитор.

Успехи "Фокуса" явно обеспокоили конкурентов. Так, "Шпигель" в начале 1995 года вынужден был даже на некоторое время несколько сократить тираж, и основатель журнала Рудольф Аугштайн, пытаясь спасти положение, тут же назначил нового главного редактора - энергичного Штефана Ауста.

Гамбургский концерн *Gruner + Jahr*, печатающий "*Geo*", "*stern*", "*Brigitte*", "*Capital*", "*TV-Today*", "*Berliner Zeitung*" и множество других изданий, пошёл ещё дальше. На свет появился новый журнал под названием "*Tango*"; впрочем, уже успевший продемонстрировать свою полную несостоятельность. План у руководителей *Gruner + Jahr* был следующий: завоевать "колеблющийся" читательский слой, не повредив в то же время журналу "Штерн". По данным аналитиков средний возраст читателя "Фокуса" - 39 лет, "Штерна" и "Шпигеля" - 43 года. Элементарная логика подсказывает, что читательский "подросток" у "сорокалетнего порога" первым с распростёртыми объятиями встречает отнюдь не "Штерн", а именно "Фокус". Завоевать 37-летних со среднемесячным доходом 3900 марок нетто - такую задачу поставил концерн перед шефом нового журнала "Танго" с бюджетом 300 млн. марок. Казалось бы, столь точное знание "целевой группы" читателей и надёжный финансовый тыл должны были бы обеспечить успех. Тем не менее журнал потерпел фиаско, перерасходовав 68 млн. марок.

Несомненно, причин крушения нового предприятия было множество. Однако, одну из них, на наш взгляд, не последнюю можно сформулировать так: "цинизм по отношению к читателю". Журнал "Танго" по изначальной идее его основателей должен был оставаться в тени "Штерна", издаваемого тем же концерном, дабы, не дай Бог, не встать у него на пути. Потому и уровень публикаций был рассчитан на публику "без претензий". Излюбленные мотивы журнала, кочующие из номера в номер: *ужасы ГДР, такая странная русская душа, холодная война ещё не кончена, угроза ислама, враждебный мир по ту сторону границ, спортивное оружие, об раз удачливого предпринимателя, как понравится мужу, и, наконец, что может быть лучше удачной покупки*. Несомненно, читатели любят, когда потакают их вкусам, в определённых кругах - не слишком утончённым. Берлинская газета "*BZ*" весьма удачлива на этом поприще. Но такой путь весьма опасен. Простоту легко перепутать с примитивностью, а лёгкость часто подменяется пошлостью. Читатели, те самые 37-летние немцы с четырёхтысячным доходом очень скоро почувствовали фальшь на страницах нового издания.

Разумеется, "Танго" - не последняя попытка концерна *Gruner + Jahr* овладеть душами информационной элиты будущего. Два других крупных издательства - *Bauer* и *Springer* также планируют выпуск новых иллюстрированных журналов.

café galerie kneipe
am kleistpark
hauptstraße 5
tel. 784 67 38

Kleist

кафе - галерея

frühstück 10-16 Uhr
warme küche 10-4 Uhr
wechselnde wochenkarte

Гетто-большевизм и загадка смерти Ицхака Рабина

Фридрих Горенштейн

За полгода до убийства израильского премьер-министра, а точнее 22-го мая 1995 года, Фридрих Горенштейн написал статью под названием "Алеаторная сделка Ицхака Рабина". Статья заканчивалась так: "... в заключение приведу слова пророка Иезекииля, сказанные во время Вавилонской опасности. Стих называется: Наказание вождя Израйлева. *"И ты, недостойный, преступный вождь Израйля, которого день наступил ныне, когда нечестию его будет положен конец! Так говорит господь Бог. Сними с себя диадему и сложи венец"*. Я надеюсь, израильские избиратели, преодолев фальшивые соблазны, разумно ответят на эти страстные призывы пророка."

Через несколько месяцев, 7 ноября 1995 года, уже после убийства Рабина, автором было написано "Предисловие к статье *Алеаторная сделка Ицхака Рабина*, которое можно считать также и послесловием." Горенштейн пишет: "Под статьёй стоит дата 22.05.95. Но кровавую точку поставил почти полгода спустя Игаль Амир, 25-ти лет, студент юридического факультета Тель-Авивского университета, израильский Родион Раскольников." И далее: "Статья была переведена на иврит, но израильские влиятельные газеты отказались её публиковать... Опубликовала статью по-русски газета "Вести" Эдуарда Кузнецова. Да простится мне авторское тщеславие и наивная мечтательность, но теперь, когда свершилось непоправимое, мнится: если бы опубликовали своевременно, вдруг бы прочитал убийца и вдруг бы решил сменить оружие убийства на... нелюбезный, беспощадный избирательский бюллетень."

В коротком послесловии к своей статье "Алеаторная сделка Ицхака Рабина", которая была опубликована ещё до покушения, я сравнивал убийцу Ицхака Рабина с Родионом Раскольниковым, героем романа Достоевского "Преступление и наказание". Теперь, по прошествии некоторого времени наблюдая за общественно-политическими событиями, происходящими в Израиле, вспоминается для сравнения еще один персонаж, правда, на этот раз не из романа, а из реальной истории России: Леонид Николаев.

1 декабря 1934 года Леонид Николаев выстрелил из револьвера и убил Сергея Мироновича Кирова, главу ленинградской партийной организации. Убийцу схватили на месте преступления. Подробности этого преступления остались неопубликованными.

Кто такой был этот Николаев? Как он ухитрился пробраться в строго охраняемый Смольный? Как ему удалось приблизиться

вплотную к Кирову? Какие причины толкнули его на этот отчаянный шаг - политические или личные? Все обстоятельства преступления оказались окутаны покровом глубокой тайны."

Так сказано об убийце Николаеве в книге "Тайная история сталинских преступлений". Разумеется, все это происходило в другой стране, в другое время, при других обстоятельствах. Но всякий, кто занимался историей не как набором кладбищенских фактов, а прежде всего как важным пособием в понимании современной жизни, в том числе путем сравнения фактов и последствий, из этих фактов вытекающих, тот согласится, что привлечение Леонида Николаева, если не к юридическому, то к моральному следствию по делу Игала Амира допустимо и даже необходимо. Тем более, что и некоторые важные факты следствия совпадают. То, что Игаль Амир, так же, как Леонид Николаев, планировал свое пре-

ступление, несомненно, Но далее наступает та самая тьма, окутанная покровом глубокой тайны, о которой говорится в "Тайной истории сталинских преступлений". Впрочем, не прошло и тридцати лет, как тайна преступления Николаева была раскрыта. В эмигрантской же печати она стала понятна еще раньше от советских чекистов-перебежчиков. Оказывается, намерения Николаева стали известны тайным советским органам задолго до преступления, и они умышленно подтолкнули его на убийство и помогли это преступление совершить.

Разумеется, нет фактов, подтверждающих, что намерения именно Амира были известны полиции. Но то, что за ним следили задолго до преступления, и доказывать не надо. После убийства показали пленку, на которой заснят Амир в стычках с полицией на территориях. Какое совпадение, именно Амира засняли. И после этого Амир спокойно приблизился к Рабину с пистолетом в руках. Но об этом ниже. Конечно, Леониду Николаеву помогли совершить преступление тайно, как говорится в полицейско-уголовном мире: "втемную", так что Николаев догадался о тех, кто ему помогал и им руководил, лишь перед расстрелом. Что касается Игала Амира. . .

Но причем тут, спросят, а иные даже возмутятся, Игал Амир? При чем тут демократический Израиль? Игал Амир - религиозный фанатик, который ненавидел демократически избранного премьера Ицхака Рабина. Это правда. Правда, однако, и то, что демократически избранный премьер и его Маарах-партия скрыли в своей избирательной кампании от своих избирателей судьбоносные для Израиля деяния. И именно скрытые от избирателя деяния сделали Игала Амира убийцей. Я убежден, что намерения отдать Газу, Западный берег, Голанские высоты были тщательно задуманы еще задолго до прихода к власти на тайных встречах, в норвежском подполье и на других "подпольных встречах" при содействии т.н. "друзей Израиля" и прежде всего по Социнтернационалу, куда входят и "со-

циалистические арабы".

Тайных от кого и тайных для чего? Тайных от своего народа для обмана избирателей. Я думаю, что если бы рабиновско-пересовская партия Маарах вышла на выборы с той программой отдачи земель, которую она сразу же по приходу к власти начала проводить, весьма сомнительной была бы её победа. "Но ведь эта отдача земель во имя мира," - скажут иные. Подобным нетрезвым высказываниям отвечу ниже. Сейчас же замечу, что и при обмане избирателей победа Маараха была незначительной, и для удержания власти пришлось включить в своё правительство также анархо-интернационально-пацифистские личности, как Сарид и Алони.

Хочу сказать, что я не против наличия в Израиле пацифистского движения. Если они есть в других странах, пусть будут и в Израиле в общем политическом спектре. Правда, я лично отношусь к общественному пацифизму, где бы он ни был, с неприязнью. По-моему, пацифизм в этом хищном, вооружённом мире - это прежде всего готовность к самопожертвованию. В еврейской истории даны великие образцы такого самопожертвования, несущие в себе огромный моральный заряд. Это - библейские пророки, это Иешуа из Назарета. Но они жертвовали собой и только собой. А их нынешние жалкие подражатели, именующие себя пацифистами, призывают к жертвенности других людей, нацию, страну.

Но в конце концов, мало ли что вызывает у меня брезгливость. У меня и гомосексуализм вызывает брезгливость, но запретить его я не требую. Не требую запретить и пацифизм. Если есть телесные извращения, почему бы не быть извращениям политическим? Пусть пацифисты-интернационалисты заседают в своих университетских клубах, объединяются в группировки под цинично-шутовским наименованием "мир сегодня", пусть натягивают на себя дурацкие колпаки на международных конгрессах защиты светлого будущего. Пусть тешатся. Но только не в правительстве. Тем более -

в правительстве государства, которому постоянно угрожают и часто осуществляют эти угрозы террором или войной. Даже в государствах с более спокойной судьбой пацифистов в правительстве нет. Когда Клинтон был пацифистом, он никаких государственных должностей не занимал, а когда перестал быть пацифистом, то в правительство прошлых своих единомышленников не берёт. И никто из европейских "друзей Израиля" их в правительство не берёт. Об арабах говорить не будем. Араб-пацифист звучит так же дико, как еврей-дворник. Впрочем, в еврейском государстве еврей-дворники, наверное, есть. Однако, в арабских странах арабов-пацифистов не встретишь. Это для араба так же неприлично, как для женщины ходить нагишом. Если бы арабские пацифисты существовали, и такие личности, как Сарид, Алони, Гельмут Авнери объединились с ними, то про них, израильских пацифистов, можно было бы сказать: - глупые люди, но честные. Но когда израильские пацифисты-интернационалисты объединяются с арабскими воинствующими националистами для того, чтобы жечь и громить еврейских поселенцев, для того, чтобы вместе с арабами жечь израильский флаг, водружённый этими поселенцами на древней еврейской земле, то если они - пацифисты, кто же тогда коллаборанты? Тем не менее, этих людей Рабин - Перес взяли в своё правительство. Не знаю, с восторгом ли, с удовольствием ли, но взяли ради удержания власти и проведения в жизнь задуманного в норвежском подполье целей.

О советской власти было сказано: утопия у власти. В современном Израиле тоже утопия пробралась к власти. Утопия мира с арабами на основании разработанных в норвежском подполье планов.

Все уважающие себя нации, более того, все жизнеспособные нации берегут свои традиции, берегут свою историю, празднуют тысячелетия своих национальных обычаев. Патология еврейской истории заставила евреев искать эти традиции не в земле, а в

Книге. Так было, но так более не должно быть, и в этом одно из достижений создания земного еврейского государства. Потому, что даже самая великая книга, даже Библия не может заменить земли, ибо народы живут на грешной земле, а не на Божьем небе. Чем завершается такая жизнь не на земле, показывает еврейская история двадцатого века. Без земной современной истории самая великая история прошлого пахнет прахом и музеем. Евреи, веками лишённые современной истории, должны, должны особенно чтить возможность жить снова на своей земле рядом со своими историческими святынями, тихой и мирной жизнью. И когда Перес с пафосом объявляет о том, что Бет Лехем (Вифлеем), город царя Давида и Вифлеемской звезды ещё до нынешнего рождества будет передан арабам, чтобы они могли получать доход от рождественского туризма, трудно сказать, чего тут больше: невежества или цинизма. Какое отношение имеют арабы к рождеству и Христу, к деве Мириам, к дому царя Давида? Они захватили эти земли в тёмные времена раннего средневековья, и они с тех пор жарят там свои шашлыки. Пусть жарят. Но почему в эти их пропахшие ароматами шашлыков и обгагрённые еврейской кровью руки надо передавать древние еврейские святыни, чтобы они продавали их туристам за доллары, марки и прочую валюту?

Игаль Амир, конечно, религиозный фанатик (если он действительно таков), но для него, как и для тысяч еврейских поселенцев, это святая древняя земля, это пещеры праотцов, это места пророков и царей.

Перес говорит: "Оппозиция не знает, что делать с территориями (так стыдливо именуются Иудея и Самария), а мы знаем. Надо от миллионов арабов отделиться". Видно Перес, погрузившись в политические глубины, забыл правила полит-демографической арифметики. Пройдёт некоторое время, и арабов в Иудее и Самарии будет 10 миллионов или 20 миллионов. Им опять станет тесно. Стеснять их будут уже не еврейские поселения возле Наблуса, а еврейские жители возле Хайфы. Что же делать? Надо было объяснять арабам долго и настойчиво, в течение года, двух лет, десяти лет (история взаимоотношений народов знает и более долгие сроки, растягивающиеся на столетия) объяснять: необходимо научиться жить на этих землях, на Западном Берегу Иордана, и в Иудее и Самарии вместе с евреями, жить, если пока не по-дружески, то хотя бы терпимо. Потому что в противном случае, бывают ведь такие исторические катаклизмы, которые произошли, например, с судетскими немцами. Конечно, о терпимом сосуществовании надо объяснять не только арабам, но и иным фанатичным евреям. Однако это задача гораздо более исполнимая. За некоторыми исключениями даже самые религиозные и фанатичные согласились бы сосуществовать рядом с арабами при наличии пусть самого холодного мира с ними и, более того, возможно, войны, но холодной, без пролития крови и поджогов.

Ведь корень всего ближневосточного конфликта в том, что арабы с самого начала не хотели жить вместе с евреями и терпеть в своей среде еврейское государство. Что изменилось теперь? Только тактика, подкреплённая статистикой. В результате мирного процесса погибших израильтян становится всё больше, погибших террористов - всё меньше. Один хамасовский дебил уно-

сит с собой из жизни десятки израильтян. Против такого "миролюбия" начались протесты израильтян, которые международный, в частности немецкий журнализм подлю именует "правыми расистами". Всё трудней Маараху было отстаивать свою безумную политику в парламенте - кнессете. И без опросов можно было не сомневаться, что предстоящие выборы маараховцы проигрывают, и тогда убили Рабина.

Надо сказать, что убийство или другое преступное деяние, которое идёт на пользу потерпевшей стороне, всегда पोпахивает провокацией. Причём этот метод опробовался ещё до дел бедственных на делах глупых. Когда какой-то неразумный демонстрант изобразил Рабина в гитлеровском мундире, маараховцы закатили в парламенте такую истерику, что это напоминало развратную жену, бьющую посуду, чтобы запугать залодозрившего мужа. От оппозиции потребовали отмежевания, т.е. по сути покаяния. Ещё до убийства Рабина Маарах начал вести себя агрессивно и провокационно. Чрезмерная истерика маараховцев заставляет усомниться в случайности появления на демонстрации против политики Рабина - Переса портрета Рабина в эсэс-мундире. Я убеждён, что среди демонстрантов и поселенческого движения были и есть такие агенты правительства Маарах. Особенно после того, как правительство это по сути прекратило работу израильской разведки, направленную против террористов, и предало на смерть Арафату своих арабских сотрудников. С тех пор значительная часть усилий этого правительственного учреждения направлена против своих политических противников внутри страны.

Когда Фаня Каплан тяжело ранила Ленина, большевики обвинили тех, кто выступал против их преступной политики, в подстрекательстве. После убийства Кирова большевики начали бешеную агрессию против оппозиции. А ведь и русские большевики когда-то были социал-демократами. Большевиизм есть переродившаяся, раковая форма социал-демократии, как нацизм есть

переродившаяся раковая форма социал-народничества.

Элементы большевизма были присущи израильским социал-демократам и раньше. Интернациональная риторика, идеализация коллективизма, объявление себя защитниками трудящихся. Маарах называется "Партия труда".

"Весь или почти весь государственный сектор в их руках," сказал мне один израильтянин. "Это директора предприятий, руководители киббуцев, истеблишмент университетов, это государственная номенклатура." И даже пятнадцать лет власти Ликуда не смогли изменить подобной структуры." Но не это главное. Проиграв при содействии "друзей Израиля" седьмую, на сей раз дипломатическую войну арабам, Маарах всеми силами старается обратить внешнее поражение во внутреннюю победу. Главный враг теперь - внутренний. Внешний враг посягает на территории, внутренний враг посягает на власть. Но таковы ведь идеи российского большевизма в период Брестского мира. Если приглядеться к делам нынешнего Маараха, то разве они не руководствуются идейными заветами своих старших российских братьев? Разница лишь в том, что там были кровавые орлы, подобные Троцкому, а тут кровососущие комары, подобные Сариду. Там была огромная страна, частью которой можно было пожертвовать ради удержания власти, а тут крошечное государство.

Впрочем, в действиях Маараха проглядывают не только идейные заветы российского большевизма, но и средневековый гетто-комплекс, который из-за несчастной истории присущ евреям определенного сорта. Обольшевичение Маараха идет в направлении гетто-большевизма с его гетто-комплексом. Недаром, оправдывая свой отказ от Иудеи и Самарии, правительство Рабина-Переса объявило о своем стремлении к государству, в котором 80% - евреи (в гетто 100% - евреи).

Мне кажется, когда Теодор Герцль задумывал восстановить еврейское государство,

то одной из важных задач при этом было преодоление гетто как нормы общественно-государственного существования, т.е. преодоление гетто-комплекса. Что же означает гетто-комплекс? Это страх перед внешней средой, внешним окружением и компенсация его за счет властолюбивого господства над обитателями гетто. Я знал и знаю евреев, которые к другим евреям продолжают относиться как к обитателям общего гетто. То пренебрежение, а подчас и гнусности, которые позволяет такой отношению к другому еврею, он никогда не позволил бы по отношению к русскому, украинцу, татарину, узбеку, потому что это внешняя среда, а внешней среды надо бояться. Таков их еврейский социал-интернационализм. И антисемиты еще говорят о едином еврейском кагале, а евреи-идеалисты - о еврейской солидарности. Нет более психологически разъединенного народа, чем евреи, и создание еврейского государства как раз должно было служить психологическому объединению.

Политика Рабина-Переса разделила израильтян и евреев диаспоры, как никогда ранее. Эта политика проводится по крайней мере, вопреки 50% израильтян с опорой на 2-3 арабских голоса. "Демократия есть демократия", говорят они. Но и демократия, как и все остальное, должна быть разумной, а не до анекдотичности глупой и безнравственной. С помощью этой безумной демократии отдали Газу, которая превращена в безопасный для бандитов центр, хорошо защищенный Рабин-Пересовским "миром". Теперь отдают Западный Берег, Иудею и Самарию, могилы патриархов и пророков, святую Библию, магически живущую на этих землях. Наступает очередь Голанских высот. О них следует сказать особо. В каждой стране существуют оппозиционные и правительственные партии. Между ними противоречия по многим вопросам внутренней и внешней политики. Но нигде нет такой пропасти между партиями по судьбоносным вопросам для государства. При прошлом правительстве Голанские

высоты были присоединены к Израилю, при нынешнем отсоединены. Спрашивается, есть ли у Израиля государственная политика? Нет государственной политики, а только партийная.

Нынешняя партия Рабина-Переса в отличие от прошлой "Партии труда" проводит не разную с партией "Ликуд" политику, а противоположную. Так что трудно даже поверить, что обе партии принадлежат к одному государству. Впрочем, Перес уже назвал Иудею и Самарию оккупированными территориями. Так кому же он ближе, к израильской партии "Ликуд" или к иорданско-палестинским партиям? Или же к сирийской партии "Баас", когда речь идет о Голанских высотах?

Все, начиная от опытных генералов и до туристов, побывавших там, утверждают, что Голанские высоты отдавать нельзя. Тем более, под туманный мир. Что такое мир? Разве между гитлеровской Германией и Советским Союзом не был подписан мир? Разве история человечества не знает цену таких подписей?

Если Сирии действительно нужен мир, она пойдет на него рано или поздно без Голанских высот. Если Сирии мир не нужен, она рано или поздно нарушит его. С

Голанскими высотами нарушит его более уверенно. Кто защитит тогда Израиль? Гарантии "международной общественности", т.е. "международного джентльменства"? "Друзья Израиля"? Не арабы, а "друзья Израиля" придумали формулировку: Земля за мир. Крошечное государство должно отдать землю, а арабы, обладающие огромными территориями, должны дать взамен... Не буду даже говорить, что они дадут взамен. Уже на первом этапе видно, что

арабы дают взамен. На последнем же этапе "миролюбивого процесса" вообще стоит ловушка. Эта ловушка называется Иерусалим. Когда арабы получат все, они скажут: "Теперь давайте Иерусалим." И "международная общественность", "международный журнализм" их в этом поддержат. Упомянутый мной в прошлой статье Пильц (гриб) из ЦДФ так и заявил "Без арабского Иерусалима мира не будет." Объединение Берлина они праздновали с диким ликованием. Постановили "во имя мира" объединить Сараево, хотя сербским кварталам угрожает господствующий в Сараево ислам. А Иерусалим во имя того же "мира" надо разделить. Рабин-Перес, которые прикидывались тугими на ухо, не желая слышать, что говорит о Иерусалиме Арафат и "общественность", придумали формулировку: вопрос о Иерусалиме решать в конце "мирного процесса". А что будет в конце? Арабы все возьмут, но ничем не удовлетворятся. "Не дадите Иерусалима - мира не будет," - скажут они. Тогда опять начнется "челночная дипломатия". Норвежские сваты, американские советники, европейские друзья...

Это те самые друзья, о которых умница - Пушкин когда-то сказал: "Господи, избавь меня от друзей, с врагами я сам справлюсь."

То, что я пишу, не такое уж особое прочтение или открытие. Все больше израильтяи охватывало беспокойство от безрасчётной слепой политики правительства. И тогда убили Рабина.

Немецкий журнал "Штерн" от 16.11.95 года пишет, что намерение совершить покушение на Рабина со стороны т.н. "правых поселенцев" было известно израильской секретной службе за много месяцев до выстрелов Амира. Приведена подробная схема убийства, которая до кошмарного ужаса напоминает убийство Николаевым Кирова.

Израильская служба безопасности оставила Рабина и его жену без охраны. Единственный охранник шёл сзади. В охраняемое пространство, через которое шёл Рабин, были впущены персоны без специального разрешения, среди них - Амир. Так пишет немецкий журнал "Штерн". А вот цитата из "Тайной истории сталинских преступлений": "...Вечером 1 декабря 1934 года Николаев появился в Смольном с портфелем, в котором лежал револьвер. Получив пропуск, Николаев благополучно миновал охранников и без помех вошел в коридор. Там никого не было, кроме человека средних лет по фамилии Борисов, который числился помощником Кирова. Войдя в зал, Борисов сказал Кирову, что его зовут к прямому кремлёвскому телефону. Киров поднялся со стула и вышел из зала заседаний, прикрыв за собой дверь. В этот момент грянул выстрел". Схема убийства та же, разница лишь в деталях. До сих пор нет полной ясности об убийстве Джона Кеннеди, но там убийца стрелял с далёкого расстояния. Там не было стопроцентной гарантии удачи. Сталин, который организовал убийство Кирова с провокационной целью обвинить в нём оппозицию и одновременно устранить не совсем удобного партнёра-конкурента, нуждался в 100% успеха, ибо малейшая неудача могла иметь очень тяжёлые политические и личные последствия. Поэтому Киров был застрелен в

упор. Сталин, стоя в почётном карауле, испытывал такой приступ горя и любви к погибшему другу и соратнику, что приблизился к гробу и поцеловал мёртвого - вот уж чисто евангелический Иудин поцелуй. На видеокассете, показанной по израильскому телевидению, которую по невыясненным причинам некий любитель имел возможность снимать, видно, как уязвим был Перес, тоже почему-то без охраны. Но Амир стрелял в Рабина, значит израильская секретная служба, считающаяся одной из лучших в мире, тотально отказала? Сомнительно. Даже немецкий телекомментатор, просмотрев видеозапись, спрашивает у израильского эксперта по фамилии Шпринцак, не было ли сотрудничества между охраной и убийцей. На что эксперт отвечает отрицательно-уклончиво. Работает комиссия, но выяснит ли она обстоятельства убийства? Скажет ли, что выстрел в упор можно было произвести только при содействии охраны? Такова технология подобных покушений. Так убили Индиру Ганди. Так в упор Леонид Николаев убил Кирова. И вероятность того, что охранники из "Шин-Бет" оказались наивными, неопытными ребятами, не более велика, чем вероятность, что оплошность допустили работники сталинского НКВД.

Впрочем, с Кировым уже давно всё ясно. Подробности же покушения на Рабина пока скрыты тьмой. Однако ясно, как Божий день, что подобно случаю с Кировым, выстрел в Рабина дал повод власти имущим развернуть нечестную травлю оппозиции, обвинив в подстрекательстве к убийству всех не согласных с политикой правительства, всех обличающих Рабино-Пересовские безумия.

Первые выборы Маарах выиграл благодаря обману, скрыв договорённости норвежского подполья. Теперь карты раскрыты и правительство надеется выиграть выборы благодаря истинно большевистским методам. Ибо такое правительство можно поддерживать только по глупости, из трусости или из корысти.

Но расчёт Переса со святым Рабиным на знамени полностью деморализовать избирателя может оказаться ложным, потому что помимо тех или иных взглядов или чувств, поддающихся манипуляции, есть ещё и инстинкт самосохранения. Кроме того, пока не ликвидирована избирательная система. Поэтому голосуйте. Голосуйте против "мирогворческого" безумия, против лжи "международных гарантий", против "гетто-большивизма". Голосуйте против правительства Переса, спасайте Израиль!

Итальянцы, ирландцы или иные, по тем или иным причинам живущие вне национальных территорий, считают естественным беспокойство за судьбу страны, к которой они этнически принадлежат, особенно в трудные для неё времена. Почему же евреи должны быть исключением? Стрелял Амир, но имя подлинного убийцы, точнее, подлинных убийц ещё предстоит объявить, если не сейчас, то когда-нибудь в будущем. Ибо нет ничего тайного, которое не стало бы явным. На траурной церемонии иорданский король Хуссейн растроганно назвал жену Рабина: "Сестра моя Лия", не знаю назвал ли Перес Рабина: "Брат мой Ицхак" и поцеловал ли мёртвого Рабина. Но всё-таки хочется повторить слова Господа Бога: "*Перес, где брат твой, Рабин?*"

В Бет Лехеме состоялось кощунство исламского празднования христианского рождества, на котором, опровергая евангелие, Арафат назвал Иисуса Христа палестинцем. На этом же праздновании Арафат в очередной раз объявил под радостные крики толпы, что скоро будет праздновать в Иерусалиме. Когда Переса спросили, что он думает по поводу подобных заявлений Арафата, он ответил: "Пусть говорит. Иерусалим навсегда останется объединённой столицей Израиля".

О, святая простота. Разве это не подтверждает то, что получив всё, но не получив Иерусалим, арабы развяжут с новых, уязвимых для Израиля рубежей массовую террористическую войну. Перес после смерти Рабина или как нехорошо выразился немец-

кий телерепортёр, благодаря смерти Рабина, усиливает темпы того процесса, который можно было бы назвать "миротворческой паранойей". Впрочем, по сообщению проправительственной газеты "Ха-Арец", Перес в последнее время выглядит бледным, страдает бессонницей и засыпает только со снотворными таблетками. Но если случится несчастье переизбрания Переса осенью 1996 года, то как бы он вовсе не заболел хроническим нервным истощением, и как бы этой болезнью не заразил всё израильское общество.

P.S. Как стало известно, Перес, своеобразно сочетающий в своей персоне утописта и оппортуниста и стараясь максимально использовать провокационное убийство, перенёс выборы с осени на конец мая, поближе к дате смерти Рабина.

Подписывайтесь на журнал

Zerkalo Zagadok

Spiegel der Geheimnisse

Speculum in aenigmate

Torstr. 7 B 2, 10119 Berlin,

Tel./Fax (030)4410348/59

ТАЛОН НА ПОДПИСКУ

Прошу выслать мне . . . номеров "ЗЗ"

Name, Vorname

Adresse

Tel.

Unterschrift

Цена подписки на 4 номера - 24 DM

(mit Versand)

Оплата на счёт журнала:

Dresdner Bank, Konto 4038701000,

BLZ. 120 800 00

Легенда о безупречном Вермахте и простом подневольном солдате

Матиас Шварц

Матиас Шварц ролился в Бре-мене в 1970-м году, главный редактор журнала "Auseinander", а также с августа 1995 года член редколлегии "33", по специальности славист.

Новая немецкая национальная символика находится ещё в стадии становления. Брандбургские ворота - вот всё, что есть у немцев. И, может быть, ещё раслакованный Рейхстаг. Вероятно, в этом кроется одна из причин, сложившейся в Германии 1996-го года ситуации, когда всякое критическое высказывание по отношению к немецкому обществу и прошлому наталкивается на пустоту. Реплики осуждения не находят адресата.

Национальное самосознание ещё только формируется в нынешней Германии. Если до 1989-го года на первый план выдвигались судьбы отдельных людей, то отныне главную роль начала играть общенациональная биография страны: бомбы, рвущиеся над Дрезденом, сотни тысяч беженцев, страдания мирного немецкого населения в последние месяцы войны, офицеры Вермахта - борцы антигитлеровского сопротивления и т.д. Что же касается военных преступлений немцев, то они всячески обобщаются и рассматриваются главным образом как предостережение, урок и назидание, дабы нынешнее поколение не повторило ошибок отцов и дедов.

Дата капитуляции Германии перед союзниками отмечалась как "день освобождения", "Освобождение" подразумевает жертву. Потому понятно, почему политики одновременно, как-бы параллельно всё более остро ставят вопрос о правах немецких национальных меньшинств в странах Восточной Европы.

Хотелось бы верить, что современный анализ

истории национал-социализма окажется резистентным по отношению к общественно-политическому контексту 1995-го года, что с мифологизацией истории, являющейся прямым результатом комплекса национальной вины, наконец будет покончено, и наступит время детальной реконструкции прошлого, "немецкой бездны", такой, после которой невозможно было бы более вспомнить ни об одном историческом факте без его полного осознания, а это значит - ужаса и внутреннего содрогания.

★ ★ ★

Изучать прошлое не в поисках мнимых традиций или исторических-стратегических задач на будущее, но с целью познания - для этого сегодня, когда Холодная война позади, не только открылись новые возможности, но это стало и крайней необходимостью. Отныне открыт доступ к ранее секретным архивам бывшего Советского Союза, и у Запада пропала необходимость использовать произведения эмигрантов от Троцкого до Солженицына, на которых неизбежно лежит отпечаток личных переживаний. Кроме того, железный занавес "поднят", а значит нет больше и разделения: добро по одну его сторону, а зло - по другую. Создание новой исторической летописи стало и более необходимым, поскольку Германия и другие, ставшие суверенными, страны оказались отныне "один на один" с собственным прошлым.

Публикации Гамбургского Института Социальных Исследований "Hamburger Institut für Sozialforschung" - счастливый пример, когда новая ситуация "возможно и необходимо" принесла первые плоды. Институт привлёк внимание общественности книгой под названием "*Война на уничтожение: преступления Вермахта с 1941 по 1944 год*" и в особенности одноимённой передвижной выставкой. Авторы дали новую оценку ранее известным, а также только недавно ставшим доступными документам. Исследователи, по всей видимости, поставили своей целью окончательно развеять легенду о "чистом", безупречном (в отличие от Гестапо и СС) Вермахте, выполнявшем лишь свой долг на

фронте, миф о невинном подневольном солдате, якобы не только не участвовавшем в преступлениях нацизма, но и не имевшем о них никакого понятия.

У легенды о безупречном Вермахте и простом невинном солдате надёжный "тыл". Это тысячи грошевых брошюр, журнальных романов, мемуаров, официальных речей "в память", а также торжественное обращение первого канцлера ФРГ Конрада Аденауэра к бывшим солдатам и офицерам Вермахта. Впрочем, читателям специальной литературы уже вскоре после войны было очевидно, что этот миф не соответствует действительности. А в начале 1992-го года Бенедикт Эрэнц в либеральной газете "Die Zeit" потребовал организовать расследование преступлений армии Третьего рейха. Он заявил, что Вермахт был *"крупнейшей в истории Германии террористической организацией"*. (для русского читателя - факт вполне очевидный. Но только не для немецкого - ред.) Это высказывание незамедлительно вызвало протест правого крыла правящей партии Германии ХДС в лице Альфреда Дреггера, который обратился к бывшему федеральному канцлеру ФРГ, а сегодня - издателю газеты "Die Zeit" Хельмуту Шмидту. В обращении Альфреда Дреггера читаем: "Это возмутительное очернение немецкого Вермахта и всех, кто имел к нему отношение, Вермахта, в рядах которого Вы (Хельмут Шмидт) как и я и миллионы других людей служили своему фатерлянд. Это прежде всего клевета на тех, кто пал на фронтах за наш фатерлянд, как мой брат, на тех, кто более уже ничего не может сказать в свою защиту. Но мы - те, которым выпало счастье или милость вернуться живыми, мы не можем допустить, чтобы наших павших товарищей обвиняли сегодня в убийствах и терроре".

На странице читательских писем Хельмут Шмидт полностью поддержал Дреггера: "Несомненно, и в рядах Вермахта совершались преступления. Однако для тех, кто всерьёз ищет исторической правды, это не может являться серьёзным основанием для того, чтобы называть Вермахт как целое, как коллектив преступной организацией. Даже Нюрнбергский процесс союзников на это не пошёл" ("Die Zeit" 10/92).

Впрочем, 3 года спустя Хельмут Шмидт вынужден был примириться с исторической правдой (хотя он сам и отрицает, что, будучи солдатом, знал о преступлениях Вермахта): "Что ж, я

лично могу это перенести и жить с мыслью о том, что меня как одного из 19 миллионов солдат называют членом преступной организации" (Zeit-Punkte 3/95).

Гамбургский Институт Социальных Исследований совместно с Государственным Архивом Российской Федерации выпустил книгу под названием *"Женщин - служащих Красной Армии расстреливать на месте. Свидетельские показания немецких пленных об их участии в действиях на Восточном фронте"*. В ней собраны документы, свидетельствующие не только о военных преступлениях, но и о рвении отдельных солдат на этом поприще. Издатель книги Ханнес Хеер пишет во вступительном слове: "Примечательно, что особой жестокостью немецкие солдаты отличались в 1941-м году, то есть в период победоносного наступления. Создаётся впечатление, что именно в эти месяцы 1941-го года разрешено и возможно было абсолютно всё. Преступление стало тогда нормой. Армия не только исполняла приказы и уж никак не действовала по принуждению, но наоборот - проявляла собственную творческую инициативу и находчивость в изобретении изощрённых способов пыток и казней".

Интерес представляет ещё одна книга, посвящённая Вермахту *"У еврейства одна судьба - уничтожение. Об раз еврея в письмах немецких солдат 1939-44 гг."* Вот цитата из одного такого солдатского письма к родным:

Письмо с фронта

"Важная задача в борьбе с большевизмом это - уничтожение вечного еврейства. Стоит только взглянуть, что русский сотворил с Россией, вот тогда становится ясно, почему фюрер начал борьбу против еврейства. Страшно

себе представить, какие беды обрушились бы на наш фатерлянд, если бы эта бестия пришла у нас к власти. . . Нет, это не противник в честной схватке. Он ищет свою добычу под прикрытием ночи. Недавно один наш товарищ был найден убитым ночью в лесу. Его резали ножом. В спину. Только еврей может скрываться за таким преступлением. В ответ на убийство мы провели очень удачную облаву. . .”

★ ★ ★

На выставке Гамбургского Института Социальных Исследований наиболее полно были представлены 3 темы. Одна из них - так называемая борьба Вермахта с партизанами в Сербии, которая велась с невиданной жестокостью. Приказы немецкого командования расстреливать за каждого убитого солдата 100, за каждого раненого - 50 "подозрительных жителей и евреев" стали киноштампом в традиции советского кино о войне. В то же время в Германии 1995-го года организаторов выставки, сообщающей об этих фактах обвинили в односторонней подаче материала.

И всё же в сегодняшней Германии уже можно открыто говорить о том, о чём ещё недавно, в 1988 году не каждый политик решился бы даже упомянуть. Так, например, в 1988 году президент Бундестага Филипп Енингер заявил в одной из своих речей: несомненно, что "в 1938 году подавляющее большинство немцев поддерживало Гитлера, идентифицировало себя с ним и его политикой" и "что план войны на Востоке и уничтожение евреев были неразрывно связаны между собой, и одно без другого было бы невозможным". После этого смелого заявления в 1988 году президента Бундестага вынудили подать в отставку.

Сегодня немцам известно гораздо больше о преступлениях Вермахта, чем 5 лет назад. Например, о преступлениях на территории бывшей Югославии. Тем не менее, это не помешало Бундестагу в 1995-м году принять решение о возможных действиях Бундесвера в этом же регионе. Также и подробная информация о прошлом писателя Эрнста Юнгера не омрачила торжество по поводу его 100-летнего юбилея, не бросила тень, не умерила пафос поздравительных речей (читайте "33" - 2). У объективного наблюдателя неизбежно возникает вопрос: в чём причина этого несоответствия - с одной стороны гораздо более полное, чем раньше знание о прошлом, а с другой - настораживающий факт, что знание

это всё в большей степени игнорируется. Может быть, так думаем мы, в бесконечных спорах о так называемом немецком комплексе вины были забыты или изгнаны из памяти не столько исторические факты (они - достояние общественности), сколько, прежде всего, был забыт или угрожает уйти в забвение ужас от чудовищности совершённого. Эта догадка особенно очевидной становится теперь, когда идеологического врага более не существует, и история не является инструментом политических споров между блоками враждебных государств.

★ ★ ★

Не только речи и биографии представителей власти, легенды о войне, распространяемые массовой литературой, но и исторические книги времён Холодной войны, в особенности посвящённые Советскому Союзу, видятся теперь в новом свете. В политической ситуации того времени, когда Восток являлся символом угрозы, старый национал-социалистический образ врага, "еврейского большевизма" пригодился, нашёл новое применение. Абсолютное зло находилось по ту сторону железного занавеса или - в крайнем случае - по обе стороны, а потому даже ответственность за Освенцим, за преступления совершённые "именем немецкого народа" немцы отказывались нести в одиночку.

В качестве примера можно привести типичную для времён Холодной войны и очень известную книгу Георга фон Рауха, которая до 1965 года носила название "*История большевистской России*", а в 1990 году в восьмом исправленном издании вышла под названием "*История Советского Союза*". В разделе "*Великая Отечественная Война*" Советского Союза неоднократно высказываются предположения (как знать, может быть, выдающие тайные желания), что Красная Армия благодаря "*беспримерному по своей смелости плану*" всё же могла бы быть побеждена. Местами у читателя складывается впечатление, что перед ним труд, посвящённый анализу стратегии Германии, написанный по заказу военного ведомства, а не учебник истории. Сам язык и стиль книги выдают настроение эпохи. Невольно вспоминается другая, также весьма характерная терминология, рождённая национал-социализмом, когда, скажем, Белоруссия именовалась "*Белорусской территорией*" (*Weißruthenisches Gelände*). Когда речь в книге заходит о важнейших элементах немецкой стратегии, на первый план выдвигает-

ся не уничтожение мирного населения, но "использование антибольшевистских сил" (армия Власова). Война на уничтожение упоминается лишь в отдельных эвфемизмах в связи с якобы "рафинированной и сложной тактикой партизанской войны", которую вели русские против отличавшихся "наивной доверчивостью" немцев. Раух пишет: "Партизанская война принимала с обеих сторон всё более жестокие формы. Местами расстреливались заложники, порой предпринимались и массовые акции против мужского населения, сжигались деревни и т.п. Параллельно продолжались преследования евреев. Об этом забылись зондеркоманды СС. . . Оказалось, что евреи западной России не имели понятия о немецкой расовой политике, и, возможно, при эвакуации советских учреждений им умышленно не сообщали об этой угрозе". Автор недвусмысленно намекает на то, что в уничтожении евреев повинны советские власти, не эвакуировавшие, не предупредившие. Так путём неизменного подчёркивания "вины обеих сторон" собственные преступления проецируются на противника. После всего вышесказанного не удивительно, что в конце раздела о Великой Отечественной Войне автор делает следующий вывод: "Красная Армия по особому распоряжению командования совершала зверские преступления. Русские стремились расширить своё жизненное пространство (Lebensraum) как можно дальше в Центральную Европу", и только "годы спустя Запад осознал, что тирания Гитлера сменилась новой тиранией".

★ ★ ★

Подтверждение тому факту, что преступления Вермахта не были предметом дискуссии в прошлом, можно найти и ещё в одной области. Существует множество свидетельств бывших узников немецких концлагерей и сталинского ГУЛАГа. Мемуары пленных о годах, проведённых в России, весьма распространены. Но известны ли кому-нибудь в Германии воспоминания тех, кто пережил немецкую оккупацию? Не тот образ, созданный сталинской пропагандой, а истории и судьбы конкретных людей.

"Чёрная книга" Василия Гроссмана и Ильи Эренбурга о геноциде против советских евреев недавно была переведена на немецкий язык. Воспоминания дочери Эренбурга Ирины Эренбург "Так я жила" вышли по-немецки в 1995-м году (по-русски они ещё не издавались). Эта книга - сборник её устных рассказов. В ней же - воен-

ные дневники (1941 - 45 гг.), посвящённые её мужу Борису Лапину, пропавшему без вести в киевском окружении. Вот, например, запись от 5 апреля 1942 года:

" . . . Я много работала, прочла целую кучу дневников немецких солдат. Ужасно, как они описывают уничтожение наших в киевском окружении. Как будто это были клопы".

Ирина Эренбург работала с конца 1942 по июль 1943 года редактором армейской газеты "Уничтожим врага". В 1943 году газета была запрещена. Ирина Эренбург родилась в 1911 году в Ницше, выросла в России, изучала психологию в Сорбонне, в 1933-ем вернулась в Москву, но уже через год потеряла работу, поскольку эта "псевдонаука" (психология) была запрещена. С тех пор она зарабатывала себе на хлеб переводами и журналистикой. Её воспоминания замечательны не столько тем, что в них фигурируют знаменитые люди и значительные события, которые естественным образом вплетаются в её рассказ, сколько множеством странных и давно забытых происшествий, деталей и случайностей, из которых складываются будни истории. В книге - рассказ о том, как она, советская еврейка в 1936 году без гроша в кармане проездом из России в Париж через нацистскую Германию случайно оказалась на перроне Аахенского вокзала, истории о государственном и индивидуальном антисемитизме, о её деде - петербургском немце, сошедшем с ума или о том, как собак забирали на фронт (и даже о том, почему только собаки могут жить при коммунизме). В каждую деталь рассказа Ирины Эренбург вплетается история страны и немецкой оккупации: её собственная жизнь, смерть мужа, биография Фани сироты-еврейки, чудом спасшейся во время немецкого наступления. Она рассказывает о настоящем и прошлом, о своём существе, и, возможно, эти рассказы внесут свой вклад в осознание "немецкой бездны" прежде, чем она уйдёт в забвение, прежде чем она достигнет настоящего и будущее, но уже иначе, не так, как это предполагают в "Германии после 1995 года".

AUSEINANDER

Immanuelkirchstr. 5, 10405 Berlin

1 Heft # 8 DM // 4 Hefte # 30 DM

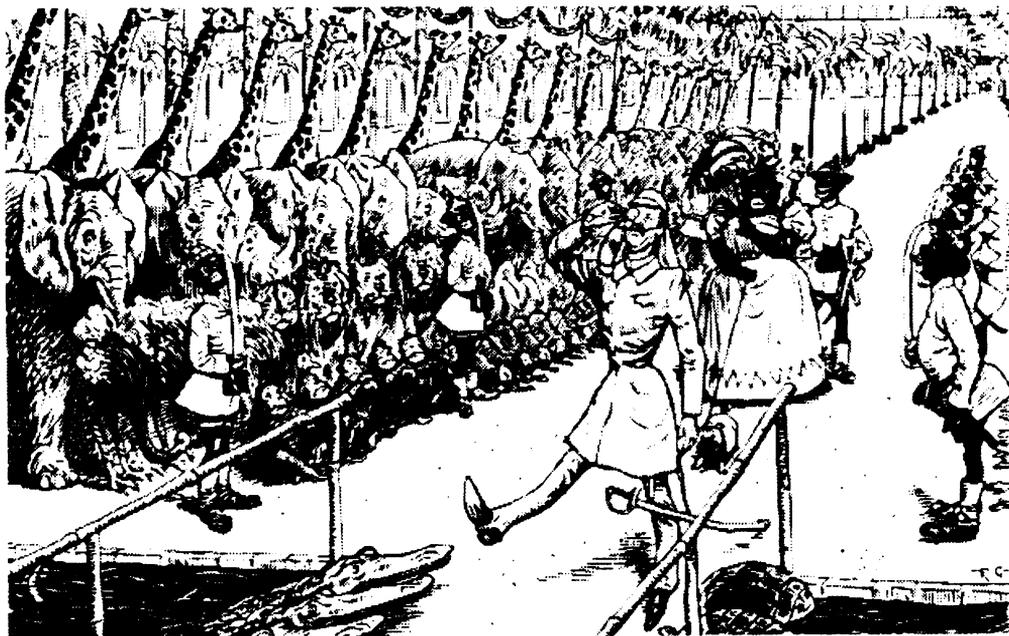
Унтер ден Пальмен

или быль о Бранденбурге в Африке

Игорь Полянский

Назло надменному соседу. . .

А. С. Пушкин

На скалистом побережье западноафриканской республики Гана, на высоком обрыве можно и сегодня увидеть стены и здания бывшей крепости. Выкрашенные в жёлтый цвет двухэтажные строения с черепичными крышами, напоминающие руины Сан Суси, "в роше палм и зарослях алоэ" не случайно вызывают ассоциацию: катастрофические последствия потепления климата в Потсдаме. Триста лет назад над крепостью Гроссфридрихсбург под африканским небом развевался флаг Бранденбурга с красным орлом на белом фоне.

Для учёных эта давняя страница немецкой истории не более, чем эпизод, даже курьёз. В учебниках пишут, что Германия стала колониальной державой гораздо позднее и была ею всего 35 лет: с 1884 по 1919-й, когда она по Версальскому договору как страна, проигравшая Мировую войну, лишилась всех своих колоний. А их к тому времени было немало. В общей сложности Германия владела 2,5 млн. кв. километров заморской территории с населением около 15 млн. человек. Это были нынешние Намибия, Камерун, Того и Танзания в Африке, архипелаг Бисмарка, Каролинские, Марианские и Маршаловы

острова, Немецкая Новая Гвинея, часть архипелага Самоа и ещё множество мелких островов. К 1914 году в Германии выходила "Колониальная газета", а наряду с "постам-том" и "арбайтсамтом" действовал "колониаламт".

Однако 320 лет назад у Германских государств не было ни колоний, ни "колониалам-та". Отсутствие колоний считалось тогда немодным провинциализмом. Вот тогда-то, в семидесятые годы семнадцатого века бранденбургский Великий курфюрст Фридрих Вильгельм Первый, получивший образование в Голландии, стране с давними традициями мореплавания, начал осуществлять свои романтические мечты. Подобно Петру Первому, позднее также учившемуся в Голландии, Фридрих Вильгельм огромное значение придавал судостроению. В опустошённом Тридцатилетней войной (1618 - 1648 гг.) Марке Бранденбург в Берлине и Хавельсберге спешно строились верфи, в Кёнигсберге прокладывались каналы. Ещё не родились ни Пётр Великий, ни Пушкин, а Великий Курфюрст уже тогда повторил знаменитое пушкинское "отсель грозить мы будем шведу!"

Вскоре у Бранденбурга был уже небольшой флот, а в 1681 году майор Отто Фридрих фон дер Грёбен высадился с небольшим отрядом солдат на африканском "побережье рабов" (ныне побережье Ганы). Под звук фанфар и барабанный бой посланник курфюрста торжественно вручил вождю местного племени серебряный кубок и пространное письмо, собственноручно подписанное Фридрихом Вильгельмом Первым, чей гигантский портрет в золочёной раме тут же был водружён несколькими солдатами у хижины вождя. Лишних вопросов вождь не задавал, не поинтересовался даже, в каких широтах лежит Европа и где в ней находится Марк Бранденбург; письмо со всех сторон осмотрел, а серебряный кубок оценил. С бранденбургцами было заключено торговое соглашение, а 1 января 1683 года на побережье Ганы была заложена крепость Гроссфридрихсбург. Отсель предполагалось "грозить" голландцам, которые и в Африке оказались соседями немцев.

В скором времени начали выясняться неприятные подробности. "Бремя белых" оказалось и в самом деле обременительным. Новая колония не оправдала надежд на скорое обогащение. Вместо ожидаемых золотых слитков в Германию прибывал лишь скудный золотой песок. И то с перебоями. Бранденбургу катастрофически не хватало кораблей, а на пути на родину их безжалостно грабили англичане и голландцы. Получалось, что каждая "Гвинейская медаль", отлитая из колониального золота, стоила Фридриху Вильгельму двух таких же. В конце концов разочарованный курфюрст окончательно обиделся на Африку и погрузился в европейские будни. Вскоре он совсем позабыл свои заморские владения, а гарнизон Гроссфридрихсбурга, безнадежно ожидал кораблей с родины.

Тем временем майор фон дер Грёбен каждое утро заставлял своих солдат маршировать перед фортом на площади, окрещённой бранденбургцами "Унтер ден пальмен", под барабанный бой и крики перепуганных обезьян. Ветеран Тридцатилетней войны, участник парадов на Унтер ден Линден не раз подобно пушкинскому Евгению грозил втайне портрету курфюрста: "Ужо тебе!" и безуспешно пытался поддержать боевой дух в своём малочисленном войске. Вести из Германии приходили редко. Кокосовая водка лилась рекой, медные латы и каски проигрывались в карты.

Прошло много лет. Однажды, взошедший годы спустя на престол прусский король, теперь уже второй Фридрих Вильгельм Первый, просматривая старые бумаги своего пред-

шественика, с удивлением обнаружил, что в Африке у него имеется собственная крепость, о которой мало что известно. Через некоторое время (а на дворе стоял уже 1721 год) король незадорого продал её голландцам.

Эта сделка была изощрённой местью давним соперникам на море. Дело в том, что гарнизон немецкой крепости установил дружественные отношения с местным населением, с удовольствием игравшим в "подданных Бранденбурга". После того, как солдаты покинули проданную крепость, в ней окопался со своим чернокожим войском вождь по имени Жан Кони, именовавшийся также "Чёрный Пруссак", вполне сносно, между прочим, владевший бранденбургским диалектом. В течение долгих шести лет голландцы безуспешно штурмовали честно, за гульден купленный ими Гроссфридрихсбург. Чёрный Пруссак не сдавался, повторяя свою излюбленную фразу: "Du kannst mich mal!" ("на-ка выкуси!"). Он так до конца своих дней и не поверил в то, что его, преданного подданного Бранденбурга, вместе с колонией продали за несколько гульденов.

Не поверили и последующие поколения жителей Ганы. Прошло почти 300 лет. Совсем недавно, в 1995 году одна богатая супружеская чета из Нидерландов задумала купить отреставрированную кое-как правительством Ганы крепость, устроить в ней отель, а в одном из бастионов открыть ресторан. Туристский бизнес мог бы принести баснословные доходы расположенному неподалёку, убогому даже по ганийским меркам, селению Принс Таун, в котором дизельная электростанция - единственное достижение цивилизации - и та давно уже не работает из-за отсутствия топлива. Тем не менее, местные власти отказались продать собственность Курфюрста голландцам. Ведь именно голландцы разрушили в 1725-м году два бастиона крепости во время осады Чёрного Пруссака.

В то же время жители селения не могли поверить, что члены киносъёмочной группы бранденбургского телевидения прибыли в Принс Таун всего-навсего, чтобы снять фильм и не могут помочь развитию города.

Миф о бранденбургах до сих пор живёт в ганийских сказаниях, а жители Принс Тауна, названного так в честь наследника Великого курфюрста, всё ещё не теряют надежды, что бранденбургские корабли когда-нибудь вновь появятся на их горизонте.

Издательство

"MIR COLLECTION"

**объявляет подписку на серию
"ЕВРЕИ ВЧЕРА, СЕГОДНЯ, ЗАВТРА"**

1. "Где вы, десять колен Израиля?" - Л.Крейдлина;
2. "Генетика и расизм" - Д.Голубев;
3. "Азбука юдофобии" - Е.Маневич;
4. "Главная ложь столетия" - Л.Крейдлина;
5. "Операция "Мир Галилее" - М.Штейнберг;
6. "За что?" - Д.Голубев;
7. "Ты меня умудряешь..." - З.Плавский;
8. "День памяти" (А.Эйнштейн) - Г.Голин;
9. "Шостакович и евреи" - В.Зак;
10. "Великий врач Маймонида" - Л.Лозинский;
11. "Стрела времени" - А.Полторак.

Подписка - до 1 июня. Вы можете заказать 6 книг (стоимость 1 книги - \$3.75), или меньшее к-во, при этом цена 1 книги - \$4.50.

НАШ АДРЕС

**The International Emigre Association
of Art & Science, Inc. Publishing House
"MIR COLLECTION".**

**42 Broadway 10th Floor, Room 39.
New York, NY 10004, Tel. (718) 449 6245**

ПРОГУЛКИ ПО БЕРЛИНУ

Дом искусств

Мина Полянская

Кажется, что во время бомбардировок Берлина в 1945-м году, прицельный огонь вёлся именно по "стратегическим объектам" русской культуры. Называя кафе "Ландграф", "Леон" и "Флора Диле" стратегическими, мы несколько не преувеличиваем. Ведь в этих кафе в двадцатых годах встречались и читали свои произведения такие величины русской культуры, как М. Цветаева, А. Белый, В. Набоков, А. Толстой. . .

В течение очень короткого времени с 1921-го по 1923-й год Берлин стал русской литературной столицей, и это "мгновение" можно было бы назвать феноменом.

Только что произошли одно за другим события века - Первая мировая война, революция и гражданская война в России. Берлин был первым городом, где как правило, останавливались русские эмигранты. Бердяев отмечал, что немцы были более лояльны к русской интеллигенции, чем французы. Тот факт, что Германия первой официально признала советскую Россию (1922 год), способствовал тому, что в Берлине с молниеносной быстротой создавались русские издательства (количество их достигло немислимой цифры - 87!), рассчитывавшие на широкие связи с читателем в России. В свою очередь советская власть в этот период ослабила свой "железный занавес" и охотнее позволяла творческим работникам "командировки" за границу. Вот почему именно тогда гостями города оказались Есенин, Маяковский, Лидин, Лунц. В такой обстановке творческое объединение не могло не возникнуть.

Девятнадцатого ноября 1921-го года в Берлин приехал А. Белый - и уже через два дня по его инициативе состоялось собрание по созданию русского Дома искусств в Берлине. Его первое заседание прошло в кафе "Ландграф", что находилось на Kurfürstenstr. 75. В русской эмигрантской прессе (журнал "Новая русская книга" и газета "Голос России") было сообщено, что берлинский Дом искусств был основан как аналог Петроградского.

Петроградский Дом искусств, основанный по инициативе М. Горького 19 ноября 1919-го года, стал к этому времени одним из центров литературно-художественной жизни города. Дому искусств была предоставлена часть бывшего особняка Елисеевых по адресу Набережная реки Мойки 59. Об этом доме вспоминала Ольга Форш: ". . . редкий писатель, ткнув пальцем в то или другое окно, не скажет: "Здесь я жил и писал мой том первый". На четвёртом этаже флигеля особняка Елисеевых жили и работали М. Зощенко, Вс. Иванов, О. Мандельштам, А. Грин, К. Федин и другие. А в начале 1921-го года здесь сложилась творческая группа молодых талантливых литераторов - "Сералионовы братья", назвавшая себя так в память о Гофмановских "Сералионовых братьях".

Итак, спустя два года после основания петроградского Дома искусств, в Берлине, то есть по другую сторону, на "других берегах" также создаётся центр литературно-художественной жизни, с таким же названием, в который вошли крупнейшие литераторы, такие как М. Цветаева, А. Белый, А. Толстой, В. Шкловский. Всего к 1923-му году было 58 постоянных и 83 ассоциированных члена Дома искусств. Президентом объединения избрали поэта Минского.

Едва ли возможно было основателям Дома искусств по материальным соображениям арендовать отдельное помещение. К тому же, литературное кафе - это не только фран-

цузская и немецкая, но и русская традиция.

В начале века среди петербургской художественной интеллигенции значительную роль играли ставшие своеобразными клубами столичные кафе и рестораны, в которых не утихали споры об искусстве, читались стихи, а иногда устраивались и театральные представления. Такими "клубами" явились кафе "Бродячая собака", разместившееся в подвале дома на Михайловской площади (ныне площадь Искусств 5/4) и ресторан "Капернаум" на Владимирском проспекте, в доме 7. Самой большой популярностью у литераторов пользовался ресторан "Вена" на Малой Морской (ныне улица Гоголя 13/8). Литературные и живописные экспромты в изобилии украшали стены ресторана. Современник объяснял факт появления подобных клубов следующим образом: ". . . Литератор русский не чиновник из пробирной палатки, которому ресторан нужен исключительно для обеда. . . не купец, для которого в ресторанах требуется семь чайников чаю. . . Русскому литератору нужно место, где бы он мог, помимо обеда. . . поглядеться со своими, потолковать . . . посмеяться, прочесть свои стихи".

Таким образом, в выборе названия и места для берлинского "клуба" немалую роль сыграло это шемящее душу слово ностальгия. Представим себе довольно просторное помещение кафе "Ландграф" с уютными столиками, любезными официантами и удобной сценой, на которой устраивались открытые литературные и музыкальные вечера. Члены Дома искренне полагали, что можно служить искусству, находясь вне политики. Впрочем, этого трудно было ожидать от людей, внезапно ставших эмигрантами. К тому же, среди посетителей были литераторы, открыто сочувствовавшие советской России и сгруппировавшиеся вокруг газеты "Накануне". Возникала споры о возможности творить вне России и национальной почвы. Так, например, Цветаева, Ходасевич и Ремизов уверяли, что поэзия живёт там, где живёт поэт. Спорили, конечно же (!), и об особой исторической миссии России, непредсказуемости её ("Умом Россию не понять"), о "загнивающем" Западе: "Запад - гнилой", - писал В. Шкловский. Такого же мнения был А. Белый, который говорил о "мифе Берлина" и упадке Европы. В романе "Люди, годы и жизнь" И. Эренбург вспоминал: "В Берлине существовало место, напоминавшее Ноев ковчег. . . оно называлось Домом искусств. В заурядном немецком кафе по пятницам собирались русские писатели, читали рассказы А. Толстой, Ремизов, Лидин, Пильняк, Соколов-Микитов. Выступал Маяковский. Читали стихи Есенин, Марина Цветаева, Ан. Белый, Пастернак, Ходасевич. Как-то я увидел приехавшего из Эстонии Игоря Северянина. . . На докладе художника Пуни разразилась гроза: яростно спорили друг с другом Архипенко, Альтман, Шкловский, Маяковский, Штеренберг".

Для наглядности приведём расписание Дома искусств за первый квартал 1922-го года.

13/1 Вечер памяти В. Короленко	17/2 Пильняк и Кузиков	20/3 Вечер Томаса Манна
20/1 Дискуссия о журналах, присланных из Петрограда	24/2 Вечер поэзии и музыки	24/3 А. Белый, А. Толстой, А. Ремизов, Н. Минский
3/2 Вечер, посвящённый Артуру Никишу	19/3 Бал в помощь голодаю- щим детям России	31/1 Вечер, памяти В. Д. Набокова

Не все заседания Дома искусств проходили в кафе "Ландграф". Так, например, встреча 24/3 состоялась в кафе "Флора Диле" на Motzstr. 65.

Увы, то, чего более всего опасались члены Дома, случилось - раскол в самом деле произошёл на политической почве. 30-го мая 1922-го года союзом жюри было принято

решение исключить из объединения всех сотрудников газеты "Накануне". В ноябре 22-го года в знак протеста против сильной политизации Дома искусств была создана альтернативная организация - Клуб писателей, в который вошли по преимуществу противники газеты "Накануне". Клуб расположился в кафе "Леон" по адресу Bülowstr. 1. В это же кафе перебрались и оставшиеся члены Дома искусств, но расположились в другом зале. Теперь уже здесь не было жарких русских споров о судьбах отечества, о назначении искусства и горьком хлебе эмиграции. "Кончен пир, умолкли хоры", как сказал бы поэт. Дом искусств приходил в упадок, как, впрочем, и весь русский литературный Берлин. В 1923-ем году в Германии начался экономический кризис, сопровождавшийся катастрофической инфляцией. Недавно созданные русские издательства прекращали своё существование одно за другим, русские книжные магазины (а их было 20!) закрывались. "Наступал срок платежа", - вспоминал В. Шкловский.

По разному сложились судьбы членов русского Дома искусств в Берлине - разошлись их пути. Ремизов, Каплун-Сумский и Пуни уехали в Париж, М. Цветаева отправилась в Прагу, а А. Толстой и А. Белый - идейные и политические противники - оба вернулись в Россию. Но как бы в дальнейшем ни складывалась их жизнь - трагически, как у М. Цветаевой, или с видимым благополучием, как у А. Толстого, большинство из них с теплотой вспоминали "короткую, но дивную пору" Дома искусств и приютивший их, лояльный в ту пору к иностранцам Берлин. В 1923 году в Праге Цветаева писала: "Ах, как хорошо мне было в Берлине, как я там чувствовала себя человеком!" "Но молодость моя прошла - кончилась в Берлине", - констатировал Шкловский.

Берлинский Дом искусств прекратил своё существование одновременно с петроградским - в 1923-ем году. Судьба распорядилась так, что несмотря на бомбардировки Ленинграда все вышеперечисленные здания, в которых когда-то находились литературные кафе и петроградский Дом искусств сохранились почти без изменений. Иная судьба у Дома искусств берлинского. Война беспощадно стёрла все следы, и нигде было бы установить мемориальную доску.

Ш А Л О М !

Община мессианского иудаизма

сердечно приглашает Вас на свои встречи

Мы верим, что Иешуа хаМашиах - традиционно Иисус Христос - является обещанным Мессией Израиля и Спасителем всего мира.

Мы - счастливые люди, потому что живём в мире и общении с Богом, и счастливые евреи, потому что знаем истинного Мессию.

Если Вам не безразличен вопрос Ваших взаимоотношений с Богом, вопрос предельно важный для Вашего настоящего и будущего, если Вы интересуетесь предназначением и историей еврейского народа, то мы ждём Вас и будем рады Вас видеть по адресу:

Werbellin Str. 32, Berlin-Neukölln (U. Rathaus Neukölln)

Наши встречи проходят каждую субботу в 14.00

О наших встречах в Гамбурге Вы можете узнать по адресу:

I. Schechtman, H. Interrast, Reeperbahn 170, 20359 Hamburg.

**"...мы нашли Того, о Ком писали Моисей в Торе и пророки,
Иисуса, сына Иосифа, из Назарета..." (Иоан 1 : 45)**

Русская литература и свобода

Почему писать и даже жить в условиях неволи легче?

Ефим Эткинд

Часть первая

Редко, очень редко, - почти никогда, - встречались они друг с другом. Литературу ограничивали по-разному: самодержавная власть, православная церковь, коммунистическая партия, блюстители нравственности, профессиональная цензура - последнюю было легче всего терпеть, она была предсказуема и обычно подчинялась вполне определённым предписаниям, т.е. играла по правилам. Другие начальники над писательским словом часто руководились прихотью, не стремясь объяснить свой запрет. Известно, сколько лет ожидали права на выход в свет такие шедевры нашей литературы, как "Горе от ума" (окончена в 1823 году, опубликована без цензурных купюр 40 лет спустя, в 1862 году) или лермонтовский гений "Демон" (через 30 лет). Кажется, рекорд невстречи с читателем побил "Реквием" Ахматовой: оконченный в 1940 году, он появился в России почти 50 лет спустя. Впрочем, роману Вс. Иванова "У" понадобилось 60 лет.

Не известно, как писать историю русской литературы; в сущности их должно быть две, совершенно разных: первая - по хронологии написанная, вторая - по выходу в свет. Конечно, и французы хлебнули горя: Андре Шенье был казнён в 1793 году, его стихи публика прочитала лишь через 25 лет; В. Гюго был 20 лет в изгнании, и только после 1871 года, когда рухнул режим Наполеона III, Франция прочитала "Человек, который смеётся", "Отверженные", "Труженники моря", написанные гораздо раньше - в ссылке. Однако ни одной из европейских литератур не дано сравниться в этом смысле с Россией, в особенности с Россией советских десятилетий: лучшие прозаики, поэты, драматурги, публицисты, философы появлялись в библиотеках и на книжном рынке с неправдоподобным опозданием в 25 лет, как "Мастер и Маргарита", в 40 - 60 лет, как романы Вс. Иванова, в 50 лет, как "Реквием" Ахматовой, в 70 лет, как публицистика

Об авторе

Ефим Эткинд - известный литературовед и поэт-переводчик, автор множества книг, окончил ЛГУ по специальности романо-германская филология. В 1974 году был выслан из СССР за поддержку Солженицина, защиту И. Бродского и "пропаганду сионизма". Последующие годы прошли в вынужденной эмиграции. С 1974 года - профессор Десятого Парижского университета, с 1986 года - на пенсии. Преполагает в качестве приглашенного профессора в университетах Европы и Америки.

Горького. Последние примеры: роман Пастернака "Доктор Живаго" окончен в 56-м, опубликован через 30 с лишним лет; роман Гроссмана "Жизнь и судьба" окончен в 1960, появился в России тоже через три десятилетия. Как же быть с историей нашей литературы? Этот вопрос не решён; увы, он и не может быть решён никогда.

Так обстоит с книгами, которые не вышли вовремя, с теми, прочесть которые смогли только дети и внуки тех, кому они предназначались. Те же, которые появлялись, пусть даже с опозданием, проходили сквозь строй, - нет, не цензуры, а по меньшей мере десятка цензур; её осуществляли официальные и неофициальные рецензенты,

штатные и нештатные издательские редакторы, секретари партбюро, парткомов и - часто - вышестоящих партийных инстанций, редакторы журналов (предшествовавших книге) и их сотрудники и, наконец, Главлит, чьи решения, как правило, не подлежат обжалованию - в частности, в силу секретности. Но ведь был ещё один цензор, часто самый придирчивый - "внутренний": опытный автор знал, о чём следует умолчать, а о чём сказать обиняками, сказать достаточно понятно, но с гарантией безопасности. Поэма Заболоцкого "Творцы дорог", опубликованная в "Новом мире" в 47-м году, посвящена торжеству человека над дикой природой. Это блестящие, гулкие, неотразимые стихи, но только посвященный в биографию Заболоцкого понимал, о чём идёт речь - кто и как торжествует:

Здесь, в первобытном капище природы,
В необозримом вареве болот,
Врубаясь в лес, проваливаясь в воды,
Срысаясь с круч, мы двигались вперёд.
Нас ветер бил с Амура и Амгуни,
Трубил нам лось, и волк нам выл вослед.
Но всё, что здесь до нас лежало втуне,
Мы подняли и вынесли на свет.

.....
Охотский вал ударил в наши ноги,
Морские птицы прянули из трав,
И мы стояли на краю дороги,
Спяющие заступы подняв.

Заболоцкий не лгал, он умалчивал о том, что сказать было нельзя. А говорил он вот что: уж если даже мы, - даже мы, каторжане, - так прекрасны и победительны в труде, то как же прекрасен свободный человек! (Не близкую ли мысль высказал Солженицын в "Одном дне Ивана Денисовича"?)

Боялся ли Заболоцкий? В 1937 году он опубликовал в "Литературном современнике" стихотворение "Ночной сад", одно из безрассудно смелых в то бесплощадное время:

... Железный Август в длинных сапогах
Стоял вдали с большой тарелкой дичи.
Н вострелы гремели на дугах,
И в воздухе мелькали тельца птичьи.

И сад замолк, и месяц вышел вдруг,
Легли внизу десятки длинных теней,
И души лип вздымались кисти рук,
Все голосуя против преступлений.

Вот на что отважился этот поэт в 1937 году. Правда, для сборника пришлось последнюю строку переделать: Скрывая птиц под кучами растений.

Переделка не помогла. Заболоцкого вскоре арестовали. Он чудом выжил и был освобождён уже после войны, отсидев 8 лет.

Прошло 5 - 6 лет с тех пор, как этот невыносимый гнёт сброшен с русской литературы. Сказать можно всё. Ушли в историю многие табу, казавшиеся неодолимыми препятствиями; помимо очевидных политических, общеидеологических, мировоззренческих были разные другие. Нельзя было касаться болезненных национальных вопросов, - скажем, упоминать о недовольстве русификацией на Украине или о проявлениях антисемитизма сверху или снизу; нельзя было даже назвать евреем - само слово было долгое время под запретом. Нельзя было коснуться даже мимоходом гомосексуальной темы, да и вообще открыто писать о сексуальности. Нечего и говорить о запрете на то, что изяшно называют "ненормативной лексикой". Впрочем, долгое время изгонялись невинные диалекты, провинциальные, просторечные элементы языка, - старательно от издания к изданию, их вычищали из некогда сочного по языку "Тихого Дона", даже из "Брусков" Панфёрова. В число табу входили землетрясения и пожары, национальные катастрофы - такие, как Ленинградская блокада или Чернобыль. Недавно в газете "Аргументы и факты" появилась небольшая убийственная статья о десятках тысяч маленьких детей, страдающих и часто умирающих от избиений, пыток, зверских "наказаний", которым их подвергают родители, о девочках, изнасилованных отцами, - кто же смел прежде заикнуться об этом в открытой печати? Кто смел гласно обратить внимание на судьбу избиваемых, терзаемых, насилованных женщин? Или на судьбу новобранцев? Кто смел подсчитать, сколько в России бездомных, нищих, умирающих от голода, сколько наркоманов и фанатиков-сектантов?

Среди прочих запрещённых для обсуждения тем были наши военные потери, - все знали, что объявленная самим Сталиным цифра, семь миллионов, была взята с потолка; не столько знали, сколько - догадывались. Но кто мог предположить, что эта цифра представляет собой грандиозную ложь, что реальная - в 3 - 4 раза больше, если иметь в виду только военнотружущих? А какая у нас детская смертность? А какой бюджет? Ведь по официальным данным на военные

нужды отводилось 6 - 8 процентов, а позже мы узнали, что 80 - 90 процентов. А сколько у нас фактических безработных? А сколько людей мы потеряли в ГУЛАГе? А какой реальный бюджет имел КГБ - для ведения внешних операций и для внутреннего сыска? А сколько он, КГБ, имел (и ещё теперь имеет) сотрудников постоянных и внештатных (сексотов)? А сколько миллионов долларов в неделю нам стоило содержать Кубу? А кто сочинил для Брежнева мемуары про Малую Землю, за которую он был увенчан Ленинской премией по литературе?

Все эти вопросы далеко не праздные; пока мы не знали (и продолжаем не знать) ответов на них - полноценная литература существовать не может: чтобы она могла вести художественное исследование общества (а ведь это и есть её функция), необходимы хоть какие-то знания об этом обществе. Мы ничего не знали о нём, кроме того, что давали нам личные впечатления. Впрочем, мы до сих пор не знаем, обладал ли хоть кто-нибудь из Политбюро реальными знаниями и, значит скрывал их как "сов. секретные сведения". Вполне вероятно, что правды не знал никто, потому что не хотел знать: собственно, зачем? Правду знать хлопотно, неприятно и опасно.

Всё это были табу - для литературы, для кино, однако и для социологии. Наверное, и для Политбюро тоже.

Табу отменены. Появились первые, весьма робкие статистические сведения, и мы ужаснулись. Россия глянула в зеркало прессы - и содрогнулась. Страна долго не отдавала отчёта в том, что за колючей проволокой лагерей живёт ещё один многомиллионный Советский Союз. Страна не знала и всего того, что постепенно сообщают журналисты. Во французских газетах я читал о пятидесяти тысячах "enfants - martyrs" во Франции - у нас было много ужасов, но этого не было. Американцы с тревогой писали о том, сколько отцов принуждают малолетних дочерей к сожителю; я был уверен, что это - "их нравы", а у нас народ нравственный, воспитанный на православии, - не этому ли учил нас даже автор "Матрёнина двора"? Оказалось, что наше общество совсем не то, которое мы воображали. Не только авторы социалистических пидиллий создали искажённое представление о нём, но даже хорошие, добросовестные писатели видели его в розовом свете - они невольно лгали, потому что не знали. А знать они не могли, - разве что "деревенщики" кое-что рас-

сказали из собственных наблюдений: Ф. Абрамов, В. Шукшин, Астафьев; но каждый из них мог опереться только на личный опыт. В нашем веке личного опыта - мало. Надо *знать* общество, а не только *догадываться* о том, какие в нём идут процессы. В 19-м веке не было социологии как науки. Но писатели знали о том, чем и как существуют дворяне, крестьяне, купцы; они жили не в домах творчества и не на Аэропортовской, и все они - от Л. Толстого до Чехова и Горького - никому не передоверяли знакомства с жизнью.

Сегодня социология открыла много неизвестного, наши знания о российском обществе в корне изменили наши представления о нём. Однако литература ещё не овладела этим новым знанием. Может быть, она поэтому так старательно отворачивается от социальных проблем; куда легче торжествовать победу над сексуальными и стилистическими табу, размахивать романами о русских красавицах и сексуальных маньяках, о некрофилах и инцестах, чем создавать достоверные картины современной общественной жизни, которая претерпевает непрерывные и стремительные изменения и устремления которой угадать невозможно.

★ ★ ★

Люди, привыкшие к подневольному существованию, не умеют пользоваться свободой. Мы нередко наблюдали это в эмиграции; писатели покидали Россию с намерением там, "за бутром", сказать всё, что накопилось и что не удавалось сказать в условиях коммунистической диктатуры. Часто, пугающе часто оказывалось, что свобода слова и печати использовалась для того, чтобы сводить личные счёты, ругаться трёхэтажным матом и предаваться эксгибиционизму. К числу редких исключений относятся те писатели, которые сумели в условиях западной свободы сказать нечто в самом деле исторически крупное, жизненно важное. Это особая тема, она очень взрывчата и заслуживает отдельного обсуждения - но не будем забывать, что она назрела: пора подвести итоги литературным достижениям и провалам "третьей волны" эмиграции - минуя оскорбления, обиды и самообман. Пора, в частности, потому, что литература эмиграции кончилась: в России большими тиражами вышли многотомные издания Солженицына, Аксёнова, Максимова, Синявского, Горенштейна и Войновича, Владимова и Бродского, Довлатова и Зинника; книги авторов, живущих в Европе и

Америке, влились в общий поток российской литературы; теперь они подчинены законам единого литературного процесса России. Подведение итогов ещё даже не начиналось. Немцы были оперативнее: к 1950 году, через пять лет после нацистского режима, уже были исследования немецкой литературы, созданной в изгнании - Калifornии (Т. Манн, Л. Фейхтвангер, Б. Брехт), Мексике (А. Зегерс), Сов. России (Бехер, Вейнерт, Мархвица), Германии (Фаллада, Каросса, Гаунгман), - уже были энциклопедические словари, монографии, обзоры. Мы ещё только собираемся осмыслить единый поток русской литературы и роль в ней отдельных писателей, иногда толком незамеченных, нередко сильно переоценённых. Откладывать такое осмысление нельзя, всё слишком быстро меняется.

Так вот, свобода. Приобретая свободу печати, предприниматели недавнего Советского Союза создали в конце 80-х - начале 90-х годов более 24 тыс. газет, число которых за пять лет упало до десяти тысяч. В настоящее время в Москве 15 ежедневных газет, почти каждая - на краю банкротства, кроме, кажется коммунистической "Правды" (когда-то её тираж был 15 миллионов, теперь 210 тысяч); её субсидирует греческий миллионер Яннис Янникос. Таковы парадоксы современности. Взрыв газетной активности оказался главным следствием гласности. Другое следствие - появление бесчисленных карликовых издательств, существование которых эфемерно: издав десяток книжек (а порою две), они лопаются, как мыльные пузыри. Меньше всего эти новые издательства стремятся издавать текущую литературу; зачем идти на риск, всегда связанный с неизвестным литературным именем?

Они перебивают друг у друга права на публикацию писателей, чей рыночный успех гарантирован рекламой. Одни пользуются скандальной известностью (Лимонов), другие прославлены престижными премиями, третьи - европейскими и американским радио. Даже толстые журналы предпочитают переводные бестселлеры ("триллеры") молодым талантам. Таков первый результат рыночной свободы для книг. Можно сказать: но ведь на Западе давно царит книжный рынок, а новые авторы появляются в огромном числе. Это, конечно, так, однако в развитых западных демократиях существуют сотни литературных стипендий и премий, уравнивающих противоположные тенденции. Например, во Франции ежегодно присуждаются премии: Гонкуровская, Фемина, лучшей переводной

книги, лучшего романа, множество премий Французской Академии и всяких обществ, - каждая из них, это не очень большая сумма, но серьёзная реклама для автора и книги. Вчера ещё неизвестное имя может стать популярным благодаря, скажем, Гонкуровской премии. В России всё ещё в стадии становления. Издательства, чтобы выжить в новых условиях жестокой конкуренции, капитулируют перед требованиями выгоды. Одна за другой погибают серии, которые были гордостью российской культуры; остановилось издание замечательнейших томов "Литературного наследства", публиковавших новонайденные рукописи и письма русских и иностранных писателей; другая серия, не менее замечательная, "Литературные памятники" Академии наук - в глубоком кризисе (напомню, что в этой серии появились новые и всегда очень хорошие переводы таких книг, как "Песнь о Нибелунгах", "Песнь о Роланде", испанский "Сид", английский "Беовульф", древнеассирийский "Тильгамеш", немецкий "Симплициссимус" Гримельсгаузена. .); третья, не имеющая равных в мире "Библиотека поэта", - за несколько лет удалось выпустить в свет один лишь том "Обериуты", да и то потому, что именно и только этот сборник финансировал Сорос.

Выходит огромное количество переводной литературы. Гордостью России была высочайшая культура перевода; дело не только в том, что переводом занимались видные поэты и прозаики (перевод кормил их в самые трудные времена), но и в продуманной, очень рациональной системе редактирования: ни одна переводная книга не печаталась, не пройдя через руки опытного, образованного редактора, который тщательно сверял перевод с оригиналом и не жалел усилий на совместную работу с переводчиком. Эта практика забыта; сегодня большинство переводчиков - случайные, далёкие от литературы, часто невежественные люди; они диктуют свой текст, не затрудняя себя преодолением стилистических трудностей и даже заглядывая в словарь; не понятные им или сложные фразы они пропускают, а, когда им охота резвиться, вступают в негласное сотрудничество с автором и добавляют от себя целые пассажи. Издатель не интересуется культурой перевода: ему надо поскорее выбросить на рынок эффектную книжку в яркой, привлекательной для пошлых вкусов, по возможности, эротической обложке. В этой области свобода обернулась освобождением от

редакторского контроля, свободой халтуры.

О том, какой неподъёмной тяжестью оказалась свобода для литераторов, привыкших к другому режиму, с большой честностью свидетельствует поэт и романист Вл. Корнилов. Его стихотворение так и озаглавлено "Свобода" (1987); вот из него несколько строк: "Не готов я к свободе, По своей ли вине? Ведь свободы в заводе Не бывало при мне... Океаны здесь пота, Гималаи труда! Да она несвободы Тяжелее куда. Я ведь ждал её тоже Столько долгих годов, Ждал до боли, до дрожи, А пришла - не готов."

"А пришла - не готов..." - этот стих Вл. Корнилова может повторить любой российский писатель, даже независимо от того, из какого он поколения, - воспитан ли при Советской власти или уже сформировался после её падения. В предисловии к сборнику Корнилова

"Польза впечатлений" (1989) Е. Евтушенко справедливо заметил: "Вместо восторгов по поводу так называемой "выстраданной свободы" или горделивого кивания на самого себя как на ваятеля этой свободы и одновременно её чуть ли не мраморное воплощение, Корнилов осмеялся - открыто признать свою - а не чужую! - неготовность к свободе. Редкий пример мужества, хотя не готовы к свободе оказались, к сожалению, не только единицы" (с. 5). Эта характеристика приложима и к самому Евтушенко, - он тоже понял главное утверждение Корнилова: "... она несвободы / тяжелее куда".

С аналогичным докладом профессор Е. Эткин выступил в берлинском клубе "Диалог" в 1995 году. Мы печатаем текст, переработанный автором для публикации.

Продолжение следует

На вокзале

Рассказ

Фридрих Горенштейн

*Как на Киевском вокзале раздаются голоса...
Современная народная частушка*

1

- Жили две семьи в одной квартире. Семья инженера и семья дежурного электромонтёра. Инженер жил с женой, а дежурный электромонтёр с мужем. Ссорились за общие электроточки. Однажды в праздник муж дежурного электромонтёра был на работе, а инженер с женой были в гостях. Вернулись они навеселе, то есть выпивши, и видят - всюду горит свет: на общей кухне, и в туалете, и в ванной, и в коридоре. Начали скандалить. А всегда, если они скандалили навеселе, то есть выпивши, дежурный электромонтёр старался в своей комнате отсидеться запершись. Тем более, когда муж на работе. Но в этот раз инженер схитрил и оборвал провода. Дежурный электромонтёр, думая, что пробки перегорели, вышел с электрическим фонариком исправить. И у инженера тоже был электрический фонарик,

поскольку в нашем Брянске поздно вечером без него не обойтись. И вот, в свете этих электрических фонариков, инженер с женой начали дежурного электромонтёра бить. Да не просто бить, а детскими саночками сыночка своего, который в данный момент находился у бабушки. Били они, знаете, били, кричал дежурный электромонтёр, кричал, пока в темноте двери туалета не нащупал. Заперся дежурный электромонтёр в туалете, а инженер с женой повесили опять саночки на гвоздь и пошли спать. Саночки-то, знаете, детские, а полозья-то кованые железом.

Утром муж электромонтёра с работы приходит и не может достучаться к себе в дверь, которую соседи захлопнули, чтоб муж думал, будто его жена спит и не впускает. Тогда начал он к соседям стучать - не отвечают и не отпирают. Начал стучать в туалет, думая, что соседи умышленно заняли, - не отвечают. Он плечом в дверь - раз,

другой, третий. Выбил, смотрит, а там его жена, дежурный электромонтёр, лежит возле унитаза мёртвая. . .

Поздним вечером, почти ночью, в ресторане Киевского вокзала Москвы беседовали два случайно оказавшихся за общим столиком пассажира: едущий в Брянск техник по холодной обработке металлов Иванов и едущий в Киев член Союза советских писателей Украины Зацела. Говорили о разном, но больше о нехорошем. Давно известно: деньги идут к деньгам, а мертвецы к мертвецам. Мертвецам точно так же на кладбище не лежит мёртвым капиталом, как деньгам в банке или сберкассе. И те, и другие всё время норовят в живой истории участвовать, чаще чеком, но иногда и наличными. Тем более при очередном свежем вкладе. Дело в том, что Зацела ехал в Киев не один, а со своим дядей - адмиралом, который числился теперь багажом, поскольку умер, а цинковый гроб в скорый поезд не брали и приходилось ехать ночным, пассажирским, где мягкого вагона вовсе не было, а имелся скрипящий купейный. Впрочем, большим любителем мягких вагонов был Зацела. Иванову же и купейного не требовалось, поскольку до Брянска он вполне мог и в сидячем перехрапеть.

Иванов был холост, точнее разведён, и теперь берёт свою нынешнюю жизнь, которая ему нравилась.

- Жизнь у меня, - говорит, - замечательная: поспал, теперь немножко отдохну. К женщинам у меня теперь, - говорит, - равный всеобщий интерес и равнодушие, как у велосипедного насоса. Не то что раньше, - говорит, - в женатом состоянии. Засыпаешь и думаешь: завтра снова день, снова суп хлебать надо. . .

В этом вопросе Зацела с Ивановым соглашался.

- Да, - говорит, - абсолютно два чужих и даже враждебных человека ходят друг перед другом голые. . . Но если по-настоящему разобраться, то наслушавшись разных чужих историй и думаешь: моя жена ведь сравнительно ангел, если учесть, что она тоже женщина. . . А теперь это происшествие с дядей нас особенно сблизило. У жены, как и у дяди, фамилия Сорока. Не слышали - адмирал Сорока? Чуть за шестьдесят было. А теперь вот предстоит перевезти прах из Москвы на родину. Цинковый гроб стоит шестьсот рублей, - сообщил почему-то Зацела дополнительно.

Кроме того, как стало известно Иванову, деньги эти ещё не были уплачены и лежали у

Зацелы в кармане, хоть дядя в гробу уже находился в багажном отделении вокзала и его должны были выдать по уплате названной суммы плюс транспортные. Отчего Зацела затынул так с оплатой, Иванов не понял, а может, и прослушал, поскольку был выпивший, а точнее говоря, пьян. Да и Зацела наливал себе столько же, и чокались они множество раз с девяти вечера. А сейчас часы показывали без чего-то там двенадцать. То есть полночь близилась. И тут ещё деньги, покойник в гробу, жестокий месяц февраль, по-украински и старославянски - лютый. Быть беде. Словно предчувствие беды давило Зацелу слева в рёбра. Рыгнуть бы разок. Извинился перед собеседником, пошёл в туалет, но на полдороге передумал и повернул в гардероб, где два старичка-гардеробщика стерегли верхнюю одежду, в том числе и добротное, под старую бекешу пальто Зацелы с воротником из мелкого серого каракуля. Дублёнки, полушубки и прочее баловство бедных художников и поношенных кинорежиссёров Зацела презирал и над ними насмехался, произнося слово "дублёнка-а-а" - нараслев, почему-то с еврейским жаргонным акцентом.

Увидав Зацелу, старички-гардеробщики встали, как перед начальством. Оба были уже выпивши, но хотелось ещё выпить. Горилки бы украинской или перцовочки. Гутылка горилки с ресторанной наценкой тогда ещё стоила шесть рублей. За эту сумму гардеробщики открыли Зацеле заднюю дверь, откуда по короткому коридорчику можно было выйти прямо на улицу к дощатому забору, огораживающему стройплощадку в самом тёмном углу привокзальной площади. Февраль-лютый сразу взял Зацелу в оборот. Луна была высоко, чёрт-те где, и такая твёрдая, как давно засохший кусок карпатского сыра, разве что в мышеловку годящегося. Неаппетитная луна. И вот так светила она над площадью неаппетитно.

Помните площадь у Киевского вокзала? Тут недалеко, через мост над железнодорожными путями, вверх на горку - и старый Арбат, самое уютное и обжитое место Москвы, а оттуда, сквозь Арбатскую площадь, прямо к Кремлю. Тут же по переулочкам - два шага и широкий Кутузовский проспект, где когда-то покойный Брежнев жил, председатель комиссии по организации похорон Хрущёва. Этого хоронили заживо, и, уж потом, спустя много лет, покойник умер. Ибо председатель комиссии по

организации похорон - высшая должность в государстве. Исторические места эти, как мы видим, не были лишены кладбищенского мистицизма. И в злую февральскую ночь, под карпатской луной, напоминающей о местности, откуда дикое ещё славянство распространяться начало, чувство беды первородной, пронесённой через тысячелетия и не изжитой, охватывает душу. Жаль, что председатели комиссий по организации похорон не обладают если не мудростью, то хотя бы любопытством багдадского халифа Гарун аль-Рашида, не переоденутся в простую одежду ширпотреба, которая вполне к лицу их ширпотребовским лицам, и не побродят в одиночестве, без толпунов, хотя бы в окрестностях Кремля, где-нибудь по ночной февральской площади Киевского вокзала, освежаемые ледяным ветерком с Москва-реки. Ведь каждый же из них человек, каждый - будущий покойник, и каждый понять может, что чувство беды бывает так же спасительно, как и чувство боли, если правильное, а значит, горькое лекарство выбрать, физическое и духовное. Побродили бы так, под древней, изначальной своей луной, а потом, переодевшись вновь в свои вельможные одежды, в шёлковую пижаму какую-нибудь, в тепле и уюте книжечки бы надёжные почитали, которые словами бы разъяснили ночные лунные ощущения о тысячелетней неизжитой беде. "Они (то есть правители славянства) были разъединены не ненавистью - сильные страсти не достигали сюда, не постоянною политикою - следствием непреклонного ума и познания жизни: это был хаос браней за временное, за минутное - браней разрушительных, потому, что они мало-помалу извели народный характер, едва начавший принимать отличительную физиогномию при сильных норманских князьях. Народ приобрёл холодное зверство, потому что он резал, сам не зная за что". Вот так Гоголь, наш великий лунный мистик, объясняет источники исторических кошмаров нашей страны, объясняет плодотворную сторону болезней наших. Но и в болезнях этих иной, желающий быть временным, хватается за временное, чтоб излечиться. И поскольку нет у нас возможностей проследить за высшими, за созревшими, проследим за завязью, за началом, за зерном, которое, если в пригодных условиях разрастается, может дать тот же фрукт или овощ.

Зацела наш, между прочим, не только член Союза советских писателей Украины, но и автор книги о путешественнике Миклухо-Маклае Ни-

колае Николаевиче, книги, которая показывает истоки русско-советского антиколониального интернационализма применительно к папуасам. После этой книги и при поддержке адмирала Сороки, родного дяди по линии жены, появились возможности обрести место в отделе агитпропа республиканского ЦК. На это место, правда, имел виды и сынок Масляника из республиканского Верховного Совета. Но дело как будто решалось в пользу Сороки, тем более, что, кроме адмирала Сороки, был ещё и Сорока в административном отделе республиканского ЦК, а отец их - Сорока-старший, большевик-пролетарий с киевского революционного завода "Арсенал", участник восстания 18-го года против Петлюры: Крупнокалиберный старик, и действительно имя пулёмётное - Максим. "Пролетарий, - говорит, - это высшее международное сословие, и в боях революции я верил, что наступит время, когда английская королева выстирает мне рубашку". А Сорока из административного отдела ЦК слушает деда и усмехается. "Ты, - говорит, - дед, наш украинский Мао Цзедун. У тебя, - говорит, - детская болезнь в коммунизме".

Но семья была дружная и с юмором. Особенно дружеская атмосфера воцарялась, когда адмирал Сорока, ныне покойный, в отпуск приезжал. В адмирале старый Максим души не чаял, любил очень и называл морским казаком.

Украинское морское казачество с давних, ещё дореволюционных времён - важный элемент российского военно-морского флота. Голосистые свистуны, потёмкинцы, матрос Матюшенко, матрос-партизан Железняк, который на суше, в Петербурге, руководил рязоном Учредительного собрания. Морские широкие клёщи - это те же широкие казацкие шаровары. Морской флотский борщ - прямой потомок борща украинского, главаря и родителя всех борщей, сколько бы их ни набралось. Из-за одного такого черноморского борщика восстание на броненосце "Потёмкин" произошло, из-за борщика революция 1905 года на императорский флот перекинулась. В борщ мясо с червячками положили. А для матроса, особенно украинца, - это осквернение святых. У русского шаря ведь тоже привычки не было в Гарун аль-Рашида превращаться. Ему докладывают о политических агитаторах - он и верит. Однако дело-то в потёмкинском гнилом борщике.

Недаром хороший и разный поэт Владимир Луговской писал в двадцатых:

И выйдет хозяйка полнеть и добреть,
Сливая народам в манерки и блюда
Матросский наварный боршок октябрёй.

Это, однако, не означает, что политическая революция действительно ставит своей главной целью накормить народ. Хотелось бы в такое верить, но упрямые факты подобное не подтверждают. Это означает, что политические лозунги народных революций должны опираться на поварскую книгу. Так вскармливается красное солдатское дворянство. Борщ да каша - пища наша. Не агитаторы, а повара революции делают, потому что подлинные революции вызревают не в головах, а в желудках. И привилегии правящего ныне сословия распространяются не столько на их головы, сколько на их желудки. Вот возьмём Зацепу, который пока ещё только завязь. Если Сороки договорятся с Масляниками и сынок их в украинском республиканском госкино место получит, тогда уж никаких препятствий для Зацепы в украинском республиканском ЦК.

Вот вышел Зацела в ночь с перепоею, почувствовав древнюю, неизжитую славянскую беду. Такое бывает с перепоею, и не всегда горькая водка во вред, подобно всякой горечи. Вот глянул он на сохнущую над холодной Москвой карпатскую луну и узнал её. Мыслил бы дальше, танцевал бы дальше от этой луны, как от нетопленной печки. Нет, к себе мысли поворачивают, во временное, в желудочное. Давит слева в рёбра. Расстегнул брюки, пошёл в темноту, через доски, через какие-то кирпичи. Эх, рыгнул. Легче. Ещё рыгнул. Четыре раза рыгнул. Полегчало, и мир уже другим кажется. Побрызгал на бетономешалку. Привёл в порядок кишечник. С козлиным "бе-е-е" освободился от неусвоенного питания, чуть-чуть исплачав рубашку. "Ничего, - подумал-пошутил, - иногда рванёшь рубашку на груди, иногда рванёшь на рубашку на груди". Засмеялся Зацела собственной шутке, поскольку в организме у него всё уравнилось, хоть опьянение, конечно, не миновало. Опьянение повело Зацепу, повело, наклонило и свалило среди кирпича. Чувствует Зацела, земля крепко держит. Пошевелишься не можешь, замерзает, а карпатскому луне-месяцу до этого дела нет: как торчал, так и торчит равнодушным подлецом. Страшно стало, холод по спине, и чихнул два раза. Сосредоточился, собрался. Рывком в атаку, как под огнём. "Вперёд. . . За родину. . ." Встал. "Простыл, - думает, - пора назад в рестораны, а

луне-месяцу погрозил: - ну погоди, подлец, я тебя съем".

Пошёл Зацела по коридорчику и вышел к гардеробной вешалке. На прилавке перед старичками-гардеробщиками стояла наполовину уже выпитая бутылка перцовки и рядом суповая тарелка, доверху наполненная картофельным пюре с подливкой. Стояла и тарелка солёных огурцов. Хватало и хлеба. Но жареного сала - несколько кусков, и старик повыше как раз был занят распределением сала поровну. Впрочем, старик-гардеробщик повыше был не так уж и стар, глаза имел военные, оловянные, а плечи - широкие. На этот раз при появлении Зацепы гардеробщики не встали и не выразили почтения. Либо были заняты едой-выпивкой, либо считали, что второй раз клиент не подаст. Подобное Зацепу несколько обидело и обозлило, ибо был он тшеславен и уже воспитывал в себе пусть небольшого, но начальничка. А поведение всякого начальника зависит от поведения лакеев, и по поведению лакеев начальник о себе судит. "Кнут, кнут им всё время показывать надо, - сердито подумал Зацела, - дисциплину укреплять".

В таком боевом настроении Зацела вернулся к своему столику в ресторане.

2

Смотрит Зацела, а техник по холодной обработке металлов Иванов жареную капусту ест с аппетитом.

- Люблю, - говорит, - жареную капусту, у моей матери, - говорит, - помню, часто ели. Приду из школы, а дома вкусно воняет жареной капустой. Эх, детство. Я сам из деревни Сельцо на Брянщине. Когда учился в Брянском техникуме, голодать пришлось. Думал, женюсь - отъемся. . . Эх, что там. . . Давайте выпьем. . . Ух, хорошо пошла. . . Прямо в ушах сера закипела.

- Хорошо, - говорит Зацела, - войдите. . . Антре мадам. . . Вы только не подумайте, что я по-французски говорить умею. . . Я однажды попробовал на дипломатическом приёме, и вместо "бонжур" - "инжир" сказал. . . Хась-ь-ь. . . У меня брат дипломат. . . Знаете, у французев водка, настоянная на вишнях. . . Я выпил и выступил: "Мир, господа, - говорю, - сласут противоракетные устройства и противозачаточные средства. . ."

Тут Зацела обращает внимание на стоящую

перед ним закуски.

- Это что? - он брезгливо сунул вилку.

- Официант принёс, - сказал Иванов, - я говорил, человек отлучился, подождите ставить. Так разве слушает, татарин. . . Их, татар, здесь уйма в Москве. Пойдите на сабантуй, возле мечети туча валит. Русскому человеку не пройти. И все с ножами.

- Я им покажу ножи! - крикнул Зацепла, которому стакан водки сразу в голову ударил. - Официант! Официант!

- Главное в таком деле резкость, - сказал Иванов, - у меня друг недавно тоже резко кинулся головой вперед и выбил зубы у подоспевшего милиционера.

- Официант! - уже предельно громко крикнул Зацепла.

Подошёл официант, молодой сероглазый парень, на татарина не похожий. Увидав официанта, Зацепла отвернулся от него, словно не замечая, надел очки и, вынув носовой платок, громко высморкался.

- Что такое? - спросил официант.

- Уберите эти продукты в соусе и принесите мне жаркое по-крымски, как я заказывал, поскольку Крым неотъемлемая часть нашей республики. Жемчужина советской Украины.

Официант, видно, был ещё не обстрелян, видно, был новенький, и подобное давление на него оказывалось впервые. Он молча взял остывшую тарелку с жарким и ушёл.

- Не нравится, - засмеялся Иванов, - не нравится, что их из Крыма выселили. . . Татарин. . . Абдулка. . . У нас в Брянске тоже. . . Не помню. . . Кажись, Ала Пердей Абдала Аминыч. Вызывает меня. Я, признаюсь, начальства боюсь. А тут ещё не свой, не русский. Смотрит на меня: "Ты сыволоч". - "За что, - говорю, - Абдала Аминыч?" А он не уточняет. "Ты сыволоч". Жутко мне стало. Упечёт мусульманин.

- Да, - сказал Зацепла, - чёрный человек. Вот был я в Индии. По следам Миклухо-Маклая. Потом Таити, Новая Гвинея. . . Знаешь, живёшь среди папуасов. Гостиница люкс, кондишен, салат "Бомбеи". А это что? - он снова начинает копаться вилкой в принесённом жарком. - Жаркое по-крымски делается из бараньей грудки с яблоками. А где здесь баранина? Это ж голуби. Они голубей на привокзальной площади ловят и в жаркое, а баранину себе на бишбармак. Ладно, варёных голубей заberi, а принеси-ка лучше ещё бутылку перцовки, сливочного масла и сыра "карпатского".

Официант терпеливо убирает тарелку с жарким и уходит. Ресторан давно опустел, время глухое. Только в дальнем конце какая-то девица пьёт со стариком шампанское. У старика на пальце блестит большой перстень. Богемный старик. Вполне может вести дневник и оставлять в нём записи такого рода: "Лежу с голой женщиной. Погода замечательная".

- Вот, - говорит Иванов, - старик, а на молодую силы имеются. Я б этого старика сейчас длинн-длинн по морде, он бы дзынь - и рассыпался.

Ах, что там Иванов. Куда тебе, Иванов. Разве можешь ты, Иванов, вот так, как этот старик, надев красную шёлковую рубаху и сядя возле торшера, осторожно перебирать струны старинной гитары и, глядя в зубастенькое, глазастенькое личико, тихо петь-мурлыкать: "Дай мне ручку, каждый пальчик я тебе перецелую. . ."

Где там Иванов. Куда там Иванов. Но не сдаётся Иванов, клокочет.

- Пока мы страдаем на производстве, они в санаториях наслаждаются лечением своей печени. . . Иной раз я гляжу на них и думаю: эх, тебя бы в мясорубку, а меня на ручку, я б уж тебя перемолол. . . Вот робок я, жаль. . . Был у нас на производстве один мужик по фамилии Михрютин. Начальства совершенно не боялся. Я, говорит, не вам, начальникам служу, а нашим дедам и прадедам. Мудрёный мужик. А среди начальников тоже выискался мужик мудрёный. Я тебе, говорит, твою мать, послужу. . . Только, говорит, жопу бумажкой подтирать научился, а уже на законы общества замахивается.

- Нет, так не надо, - говорит Зацепла, почувствовав в этой ненависти Иванову угрозу лично себе, - так совсем можно особоачиться. . . Озвереть до опупения. . . Ты ко мне приезжай, я тебе рад буду. . . Пышшш. . . А то, знаете, товарищ Иванов, на вас посмотрят и скажут: извините, в какой галактике вы родились с такими мыслями? Ты, Иванов, приезжай ко мне в Винницу. . . Я родом из Винницы. Когда едешь к вокзалу через мост над Южным Бугом, сразу Замостянский район, меня там все знают, я там школу кончал. . . Фирка Ломоносова, Ваня Пфефер - хорошие были ребята. . . И край квитучий. Сначала у нас отвечаета черёмуха. . . Хотя черёмуха и в Бурятии хороша. . . Ездил я на юбилей добровольного присоединения Бурятии к России. . . Они там черёмуху со сметаной едят. Сахарочек, разумеется. . . У нас большие начальники на большие юбилеи ездят: Москва, Ленинград, Ташкент. . . А меня в Бурятию, Удмуртию, Та-

тарстан. . . На добровольное присоединение. . . Может, как специалист по палуасам, легче местные языки усваивая. Вот - сирчинянь - это по-умуртски пирожки. А эпочмак - по-татарски пирожки. . . Спроси у татарина. . . Офцант! Поршню эпочмак. . . Не понимает, собственный язык забыл. . . А был я в Монголии. . . Там в ресторане за первое заплатил - принесли, поел. Спрашиваю у друга-монгола, лауреата премии имени Сухе-Батора, почему, спрашиваю так? А он отвечает: у нас народ не понимает, если уж поел, зачем деньги платить. И местность для верблюдов приспособленная. Не то что у нас в Виннице. У нас в Виннице сначала отцветает черёмуха, потом облетает яблоневый цвет, а уж в завершение цветёт сирень. Когда цветёт сирень, мне всегда петь хочется. . .

И тут же в ресторане громко: "Ой ты, Галя, Галя молодая, подманули Галю, забрали с собой".

И так жалостливо, тенором. А Иванов в ответ русским частушечным басом: "Распустила Дуня косы, и за нею все матросы, ой Дуня, Дуня я, Дуня ягодка моя".

Пели хоть и разное, но одновременно, и закончили вместе. Помолчали. Снова выпили.

- Был у меня в ранней молодости друг, - сказал Зацепа, - он ходил в церковь, говел, семь лет ел одну картошечку. Я, конечно, согласно диалектике, в Бога не верю. Но в природе есть всё-таки что-то не соответствующее диалектике. Вот когда цветёт сирень, то аромат иногда едва уловимый, а иногда сильно кружащий голову. И окраска гроздей бело-нежная, голубая, розовая, густо-лиловая. . . Вот тогда хочется сказать: "Спасибо, Бог". А кого же ещё благодарить? Природа и женщины - всё это, Иванов, не выполнено, согласно плану, а сотворено. . . Знаешь, Иванов, какие женщины есть. . . У нас говорят, наш украинский министр иностранных дел, любитель иностранных тел. . . Хась-ь-ь. То есть тел иностранок. . . А я иностранок не люблю. Подойдёт к нашему ребёнку: мальчик - где ваш папа? Хась-ь-ь. . . Глупость, обрыдло. Наша женщина это, - Иванов, знаешь? . . . Иду я с одной весьма интересной, и вдруг в людном месте, на проспекте Гагарина, у неё трусы упали. . . Резинка лопнула. . . Как бы иностранка поступила? Она бы, подобно Мырлин Монро, тут же на проспекте Гагарина целую пачку снотворных таблеток проглотила и умерла бы со стыда. А наша женщина не поступила, а переступила и дальше пошла.

Может, врёт Зацепа, слишком фантазирует? А с другой стороны, что в этой ситуации фантастичное, если трусы не импортные, а ширпотребовские и на одной резинке держатся. Лопнула резинка, они и упали.

- Тут, слышу, какой-то сзади кричит: "Дэвушка, тырусы потыряла!"

Ой, врёт Зацепа, перегибает. А может и не врёт? Кавказцев повсюду много, после добровольного присоединения Кавказа к России, кавказцев много, и все женщинам в зад смотрят.

- А что в этом плохого? - говорит Зацепа, - иной раз и сам помотришь кавказским взглядом, особенно, когда яблочко под юбочкой. Посмотришь и, согласно Фрейду, догнать хочется. . . Ты только, Иванов, не приписывай мне сексу и аморалку. Я без лирики любить не умею. А когда, Иванов, знаешь, даже у красавицы замечаешь грубые детали из области сантехники. . . Вот недавно одна загорелая, прекрасная, но когда повернулась, то на жо. . . на попе чётко обозначился оттиск унитаза. . . Хась-ь-ь. . . Офцант, иди, дружок, сюда. . . В субтропиках. . . э. . . в субботниках учадуешь. Чем зальной будут наши города, тем розовой будут наши шёлки. . . Вот возьми, купишь себе рахат-лукум. . . Это я за двоих. . . А где же те? Они отдельно были.

Зацепа роется в карманах, вытаскивая отовсюду скомканные пачки денег.

- В пальто оставил, - говорит Зацепа, - память у меня перегруженная. Посидели мы хорошо, поболтали откровенно, и совсем как-то забылось, что дядя умер. Показалось, приеду, и он меня встретит в полной адмиральской. А он здесь, в багажном пакгаузе. В гробу.

Последние минуты, то ли от усталости, то ли от поворота темы, Иванов и Зацепа как-то размякли, водки пили мало и ели пищу не острую, масляную, ибо сыр "карпатский" нежен, сладковат, с чуть кислотным привкусом.

- Скоро уж и поезд, - сказал Иванов и посмотрел на часы, - хорошо посидели. Вот с той красоткой, с которой старик шампанское пил. Вот пожить бы с ней хотя бы ночи две. Она на Зорю похожа. Из Алулки. Из Алушты. Зоря, Зоря, Зоря, Зоря. . . и заело, захрипело. Проснулся через полминуты, опять: - Зоря, Зоря, Зоря, Зоря. . .

Пьянький Иванов не замечает, что бубнит уж сам себе под нос, потому, что Зацелы за столбом нет. Он ушел в гардеробную. Вскоре, однако, Зацепа возвращается опять возбужденный. - У меня как?! - кричит Зацепа, - со мной не попрыгаешь! Я сейчас гардеробщика ударил.

Прихожу за пальто, а они мне рожки строят. Мне ведь гроб не выдадут. . . Пшшшшш. . . Номерка от гардеробной не видел? Я мог его из кармана положить, когда рылся. . .

Иванов и Зацепа начинают шарить среди тарелок, вилок, ножей, мятых салфеток.

- Что они мне голову крутят, совсем накаляется до кипения Зацепа, - сейчас я из них тряпок нарежу, - и, повернувшись, быстро направляется в гардеробную.

Ресторан уж пуст, гасят свет, лишь две лампочки горят, в свете которых официанты убирают со столов грязную посуду.

- В Кисловодск бы мне надо, - бормочет Иванов, - подлечиться. Зимой легче с путевками. . . Приеду, напишу заявление: прошу разрешить отпуск по состоянию болезни. Иванов делает какой-то неопределенный жест, скользая пальцами по скатерти, и что-то падает на пол, звякнув. Это номерок из гардеробной.

- Ах ты, - бормочет Иванов, - искал, искал, да не нашел. Надо бы отнести.

Иванов подбирает номерок и нетвердо, на полусогнутых движется в сторону гардероба. Он осторожно заглядывает в гардеробную и видит, что два пьяных гардеробщика бьют пьяного Зацепу. А точнее, уже убили его, потому что ещё пять минут назад полный сочной скотской силы, мясной, кровавой Зацепа теперь выглядит детским резиновым надувным пальцем с красной ленточкой вокруг головы. Уж на что пьян был сам Иванов, а сообразил, что не то что вмешиваться, обнаруживать себя опасно. Осторожно, на шпочках отошел Иванов от гардеробной, положил номерок на край стола, под мятую салфетку, и вышел из ресторана на морозный воздух, благо куртку свою ватную он в гардероб не сдал, чтоб сэкономить на чаевых, ловко свернул ее и спрятал под стол. А в рукав куртки была упрятана ушанка-треух.

Бил Зацепу и убил его гардеробщик покрепче, повыше и помоложе, с оловянными военными глазами, бывший работник МВД. Второй, постарше, помогал и шарил по карманам. Амбарным, чугунным замком старинной конструкции, полупудового веса, выбили глаз и перебили переносицу. Все произошло в пять минут, а может, и менее.

Ну и что? - скажет добравшийся до этого места читатель из тех, которые развращены молодеватой бульварной беллетристической или мудрыми старческими трактатами, - ну и убили, ну и амбарным замком. Какой за этим далее

следует сюжетный поворот или какая выясняется идея?

Сюжетных поворотов тут, конечно, может быть множество, и повод для размышлений подготавливается, поскольку потомок активистов-комбедовцев убит кулацким замком, наверно, когда-то охранявшим нажитое добро. Убит воскресшим замком-подкулачником, попавшим в руки пьяного, разжалованного в гардеробщики чекиста.

Языческая и христианско-языческая литература любит одушевлять и мистифицировать неодушевленные предметы. Мы, однако, в этот раз пойдем противоположным путем, потому что наши одушевленные предметы настолько нечисты мыслью и сердцем, что, кроме как об ампутации души, кроме как о насильственном разъединении тела и души, думать не приходится, если мы не хотим придать их вульгарной жизни не моральную, а хотя бы художественную ценность. Но операция по разъединению души и тела - это уже не христианство, а буддизм, и тут главное не идея, а колорит. То есть не какую идею Зацепа пробуждает, а какую светотень он отбрасывает под лучами теперь уже не языческой, не карпатской, а буддистской луны над ним.

Надели гардеробщики на убитого Зацепу его пальто-бекешу, напялили шапку, приглушенно гикнув, подняли его, как багаж, вынесли темным коридорчиком, озираясь, перебежали с ним в темный, глухой промежуток по привокзальной площади, внесли на пустынную стройплощадку и положили буддистским камушком рядом с другими кирпичами, досками и прочими неодушевленными предметами.

Зря старались, напрасно надеялись. Найдут всё, обнаружат следователи-криминалисты. Дядька-адмирал, так и не затребованный по оплаченной багажной квитанции, всю привокзальную милицию, не выходя из гроба, на ноги поставит. Найдут свидетеля-официанта из вокзального ресторана, найдут свидетеля Иванова из Брянска, найдут в мусорнике, среди грязных салфеток, номерок от гардеробной. Только шестьсот рублей на дядькин шинковый гроб не обнаружат. Пропил покойный племянничек гроб покойного дядюшки. Однако, если не за похищение шинкового гроба в его денежном исчислении, то уж за убийство точно поведут стариков-гардеробщиков и посадят их в "Матросскую тишину". Есть в Москве улица с таким названием, и на этой улице знаменитая тюрьма. Нет, не в Лефортово. В Лефортово от

Семеновской 48-м трамваем. А это Сокольники. Места петровские, потешные, к застенкам привыклише ещё со времён Преображенской Канцелярии, во дворе которой царь Петр собственноручно стрельцам головы рубил.

И зачастую в те места жёны гардеробщиков и прочие их близкие родственники, станут знакомы им здесь трамвайные судановки, пока следствие будет идти и пока суд да приговор. Но не скоро ещё всё это произойдёт, и только утром всё начнётся, когда тёмно-багровое, похожее на планету Марс, тяжёлое февральское солнце заменит лёгкую буддистскую луну. Только тогда, пришедшие на стройку работники, найдут неодушевленного Зацепу. Ещё час с небольшим тому был он здесь, на стройплощадке, живее всех живых, полнокровно, по-скотски господствовал над землей и небом, линал ногой камни, блевал, и брызгал, и хохотал. И, даже упав от опьянения и избытка сил на землю, испытал легкий испуг, тут же над этим своим лежачим положением посмеялся и от предупреждения отмахнулся пьяной шуткой. А вот лежит кротко, где положили, и ждёт терпеливо, пока поднимут. Лежит Зацепу, босьяк-мещанин, ибо если для Горького, Арцыбашева или Верлена алкоголь и буйство были босьяцкой формой протеста против тупого мещанского свинца, то ныне, главным образом, мещанский свинец бражничает и буйствует, а бродяжка-босьячок если кое-где и сохранился, то живёт тихонько, картошечкой и солью питается. Но, пока не вернулся ещё Зацепу к босьяцкому мещанству своему, пока не положен он в дубовый гроб стоимостью в двести рублей, пока не стал он мертвецом, а лежит предметом, от камней и древесины неотличимым и одинаково снежком припорошенным, пусть вздаст он убийцам своим добром за зло не похристиански, а по-буддистски, не при жизни, а после жизни. Ибо сказано в буддистском каноне: "Кто воздаст добром за зло, тот блистает в этом мире, словно луна, которую сокрыло, а потом раскрыло облако".

А в отдел агитации и пропаганды ЦК Украины сынок Масляника будет назначен. Начнет Масляник расти, разбухать, научится сидеть в президнуме, положив руки на стол и сцепив пальцы меж собой борцовским "замком". Теперь его уж так просто чугунным замком не убьешь, теперь уж охрана за ним по пятам. Глядишь, к концу века член Политбюро, в Москву перебьедки на Кутузовский проспект, поскольку

Украина - давняя житница руководящих кадров. Здесь их в большом количестве выращивают. Может, так и Масляника до высшей должности докуют - председателя комиссии по организации похорон.

Зацепу, тот книжки писал, а Масляник, говорят, читать любит. Не только Маркса, но и Энгельса, не только Ленина, но и Луначарского. Розу Люксембург, Георгия Валентиновича Плеханова. Льва Толстого. Бориса Пастернака. Говорят, и вовсе такие-растакие книжки у него на столе видели. Одни говорят, для сыских целей, а другие опровергают: нет, действительно интересуются.

Может, всё к лучшему? Может, воскресшему кулацкому замку мы должны быть благодарны так же, как ножу убийцы во времена Бориса Годунова, прикончившего в Угличе царевича Дмитрия Ивановича, сына Ивана Грозного, от пятой жены. Обнаруживал сынок жестокие наклонности, весь был в папашу, а то ещё и похлеще. Конечно, Зацепу не царевич, но опыт последних десятилетий показывает: чтоб до Политбюро добраться, царевичем быть не обязательно. Правда, после убийства царевича Дмитрия один за другим пошли лже-дмитрии. Однако, авось минет нас смутное время? Что поделаешь, мы идеалисты. Всё надеемся, всё верим, всё ждём. Но, с другой стороны, как же без идеализма? Россия - не Голландия, где Бенедикт Спиноза создал свой теологический материализм. В России без идеализма жить тяжело, и о России без идеализма рассуждать невозможно. Чтоб это понять человеку постороннего происхождения, не обязательно отправляться в Мордовию, в Бурятию, в Караганду или Могилёв. Посидите допоздна переодетым в ширпотреб Гарун аль-Рашидом в ресторане при Киевском вокзале Москвы, и, даже если в этот вечер никого не убьют, всё равно вы с нами согласитесь.

июль 1984 год, Западный Берлин
Печатается по тексту журнала "Континент".

Досье Фёдора Тютчева № 38461

Аркадий Полонский

*У нас людей европейских можно счесть по пальцам
И. Киреевский*

От литературного редактора "Зеркала Загадок"

В начале 1836-го года из Мюнхена в Петербург приехал сослуживец Ф. Тютчева в русской миссии в Баварии дипломат И. С. Гагарин. Это был чуть ли не единственный человек, удостоившийся чести слышать стихи Тютчева, так сказать, из уст автора.

Дело в том, что Тютчев не считал себя поэтом, и если бы ему сообщили, какое место он займёт на поэтическом Олимпе, он бы удивился. А Фет вспоминал: "Фёдор Иванович болезненно сжимался при малейшем намёке на его поэтический дар, и никто не дерзал заводить с ним об этом речи." Он писал стихи на клочках бумаги и салфетках, терял рукописи; однажды, по случайности, сжёг их в большом количестве, но успокоил себя, сказав: "Ведь сгорела же когда-то Александрийская библиотека".

Гагарин просит Тютчева, чтобы тот прислал ему свои стихи в Петербург для публикации. Тютчев согласился, отправил стихи с надёжной оказией (об этом ниже), сопроводив письмом следующего содержания: "Вы просили меня прислать Вам моё бумагомаранье. Я поймал Вас на слове. Пользуюсь случаем, чтобы от него избавиться. Делайте с ним, что хотите. Я питаю отвращение к старой исписанной бумаге, особливо исписанной мной."

А оказия была вот какая. В Петербург из Мюнхена отправлялась жена русского дипломата Амалия Максимилиановна Крюденер, в которую некогда девятнадцатилетний Тютчев был влюблён (замечательный её портрет находится сейчас в Мюнхене, в Нимфенбургском дворце, в "Галерее баварских красавиц"). Предполагалось, что ей Тютчев за два года до смерти посвятил стихотворение "Я встретил вас. . .", которое легло в основу знаменитого русского романа. Это предположение отвергается, однако, некоторыми исследователями. Но Амалии Крюденер посвящён другой тютчевский шедевр: "Я помню время золотое, Я помню сердцу милый край. День вечерел; мы были двое; Внизу, в тени, шумел Дунай. . ."

Эта замечательная женщина привезла "целую охапку" стихов, которые Гагарин аккуратно переписал в тетрадь, а затем отнёс в пушкинский журнал "Современник" в надежде опубликовать хотя бы несколько из них. Пушкин распорядился самым неожиданным образом; напечатал не 5 - 6, как того просили Вяземский и Жуковский, а целых 28 стихотворений совершенно безвестного тогда тридцатитрёхлетнего поэта под названием "Стихотворения, присланные из Германии" и за подписью "Ф. Т." Как знать, может быть, стихи великого русского поэта так и остались бы навсегда скрытыми в семейных архивах, если бы не эта публикация, на которую много лет спустя, работая над статьёй "Второстепенные русские поэты", нечаянно наткнулся Некрасов, который и открыл Тютчева заново.

Теперь уже трудно себе представить, что именно те стихотворения Тютчева, которые признаны шедеврами русской пейзажной лирики, любимцы школьных хрестоматий, такие, как: "Весенняя гроза" ("Люблю грозу в начале мая. . ."), "Весенние воды" ("Ещё в полях белеет снег. . ."), "Зима недаром злится. . ." были написаны под впечатлением южно-немецких ландшафтов. Известный, опять же, по школьным учебникам как "певец русской природы", поэт в Германии написал "Осенний вечер" ("Есть в светлости осенних вечеров. . ."), "О чём ты воешь, ветер ночной?" и "Утро в горах" ("Лазурь небесная смеётся. . ."). В Мюнхене были написаны и знаменитые философские стихотворения "Silentium!" и "Тени сизые смешались. . .", над которыми плакал Лев Толстой.

В 20-е годы нашего века в Берлине, в среде эмигрантской литературной элиты, разгорелся спор (в который раз!), возможно ли русскому поэту творить в отрыве от родины и национальной почвы. Как ни странно, именно Тютчев, имеющий известную репутацию славянофила, однозначно ответил на этот вопрос своей поэзией.

Корреспондент "ЗЗ" в Мюнхене Аркадий Полонский попытался выяснить, где жил великий русский поэт в столице Баварии. Для этого он совершил интереснейшее путешествие по архивам города. Перебирая пожелтевшие от времени бумаги, не раз, должно быть, повторил он знаменитые тютчевские строки: "О, время, погоди!" Итак, перед вами исследование, которое прислал нам доктор Полонский.

Мина Полянская

"Прекрасный оазис"

Известно, что в Мюнхене Тютчев прожил 20 лет: с 1822 по 1837 - в качестве российского дипломата, а с 1839 по 1844 - как частное лицо. На заграничную службу восемнадцатилетнего кандидата Московского университета по разряду словесных наук протектировал его настойчивый дядя, граф А. И. Остерман-Толстой, герой-инвалид Кульмской битвы. Мюнхенский дом молодого дипломата, ставший известным салоном, в котором собиралась элита баварского общества, как нельзя лучше отвечал идеям короля Людвига Первого, патрона многих друзей Тютчева, мечтавшего превратить Мюнхен в европейский центр культуры, в "Афины-на-Цзаре". Тютчев был дружен с поэтом Гейне, философом Шеллингом, известным архитектором Кленце (принимавшем участие в реконструкции петербургского Эрмитажа), а также с ректором мюнхенского университета Тиршем. Генрих Гейне называл дом Тютчевых "прекрасным оазисом", а В. Жуковский иронизировал: Тютчев влюблён в Мюнхен более, чем в жену (в 1826 году Тютчев женился на баронессе Элеоноре Петерсон, вдове российского дипломата Александра Петерсона, урождённой графине Ботмер, представительнице аристократической баварской фамилии). Лучшие переводы Гейне, Гёте, Шиллера были сделаны поэтом именно в Мюнхене.

Необычайно интересно было бы найти мюнхенские адреса Тютчева. К сожалению, основные биографы поэта, писатель И. С. Аксаков и филолог-тютчевед, правнук Тютчева К. В. Пигарёв его немецких адресов не сообщают. Удивительно и то, что в обширной переписке Тютчева именно мюнхенских писем, в которых можно было бы найти адреса, очень мало.

Но вот передо мной письмо Элеоноры, жены поэта, к брату Тютчева, Николаю от 1 июня 1832 года. Она приглашает его в Мюнхен: "...приезжайте скорее. ... мой друг, вы найдёте нас в доме Кирхмаура на Каролиненплац".

Черный обелиск

Мюнхенцы хорошо знают Каролиненплац и высокий обелиск в центре площади. На постаменте обелиска надписи: "Тридцать тысяч баварцев нашли смерть в русской войне" и "Они умерли также за освобождение отечества".

Немного истории. Вступление Наполеона в Германию было по-разному воспринято многочисленными княжествами и вольными городами, которых было тогда свыше шестидесяти. Опытному политику баварскому курфюрсту Максу Йозефу удалось в сложное время французского нашествия облизиться с Наполеоном. В 1806 году Наполеон создал искусственное политическое образование - Рейнский союз немецких государств. Карта Германии была перекроена. В результате Бавария расширила свои границы и получила статус королевства. Упомянутый курфюрст стал первым баварским королём. За королевское звание надо было платить натурой: для кампании 1812 года Бавария дала Наполеону 33 тысячи солдат. В октябре 1813 года Рейнский союз распался, а остатки баварской армии повернули оружие против французов. 30 тысяч баварцев не вернулись домой. В память об этих солдатах друг Тютчева, архитектор Кленце, по приказу короля Людвига Первого соорудил в 1833 году двадцатидевятиметровый обелиск. Памятник был отлит скульптором Й. Штигльмаером из бронзы турецких пушек - победных трофеев морского сражения 20 октября 1827 года при Наварино, где на стороне Греции вместе с Баварией против Турции добывал эти трофеи также и флот России (при содействии Англии и Франции).

На двадцать пятой странице в перечне аккредитованных при королевском дворе иностранных посольств читаю:

"Россия: Его сиятельство Князь Гагарин, Григорий, посланник и полномочный Министр, - Каролиненплац 3, 1 этаж. 1 поверенный секретарь: Крюденер, Александр, барон, коллежский советник, кавалер ордена св. Анны 2 кл. с бриллиантами и ордена св. Владимира 4 кл. - Бриннерштрассе 15, 1 этаж. 2 поверенный секретарь: Тютчев фон, Теодор, камер-юнкер, - Каролиненплац 1, 1 этаж. Атташе: Мартини, советник, - Зонненштрассе 7, 3 этаж."

Таким образом, семья Тютчевых, по крайней мере с 1832 года (письмо Элеоноры Тютчевой) и в последующие годы, жила в *представительстве российской миссии*, занимая комнаты первого этажа. К сожалению здание русского посольства не сохранилось. На его месте - современное строение. Впрочем, я не оставляю надежды найти другие тютчевские адреса, прежде всего в его "ранний мюнхенский период" - номер дома на Герцогшпитальштрассе, а также в "поздний", когда он уже оставил дипломатическую службу. Сначала я отправляюсь в Баварский Государственный и Мюнхенский городской архивы.

Архивы: Баварский государственный и Мюнхенский городской

Баварский Архив - это комплекс зданий, построенных при короле Людвиге Первом архитектором Кленце для военного министерства. Объём хранилища огромен. Войны и время пощадил неогромное богатство. Моим поискам помогают руководители двух смежных отделов, госпожа доктор Кюль-Маркон и господин Лейбниц (своего родства со знаменитым учёным 18-го века Готтфридом Лейбницем мой новый знакомый не установил). Меня интересует российское представительство в Мюнхене в тютчевское время. Помощь упомянутых господ весьма эффективна. В моём распоряжении оказывается объёмистая папка: *"Поручения императорского российского представительства к Королевскому Баварскому Двору. 1808 - 1868"*. В ней - подлинные письма российских императоров к баварским королям, верительные грамоты и переписка Российской миссии. Витиеватая образцовая каллиграфия российских писарей. Документы перед Высочайшей подписью *"контросигнированы"*, т.е. проверены и завизированы высшими сановными лицами России. Письма, которые исходили от имени Александра Первого, визировал граф А. Р. Салтыков, от имени Николая Первого - граф К. В. Нессельроде. Вот как выглядела верительная грамота первого посланника к баварскому королю Максиму Первому Иозефу князя Ивана Бярятинского, данная ему императором Александром Первым:

*Пресветлейший Державнейший Король,
Дружбно-Любезный Государь, Брат и Свояк!*

*Заблагодарасудил Я аккредитовать при Дворе Вашего Королевского Величества Чрезвычайным Посланником и Полномочным Министром Моего Майного Советника, Действительного Камергера, Моего Любезноверного Князя Ивана Бярятинского. . .
Вашего Королевского Величества Дружбно-Охотный Брат и Свояк.*

В Санкт-Петербурге Декабря 14 дня 1808 года.

К сожалению, о Тютчеве не нахожу никаких упоминаний. В 1837 году Тютчев с повышением был переведён в Турин, где у него произошло несчастье: 27 августа 1838 года неожиданно умерла его жена Элеонора Тютчева, и позт остался один с тремя маленькими дочерьми.

В июле 1839 года он женился на баронессе Эрнестине Дёренберг, урождённой баронессе Пфеффель-Теттенборнб внучатой племяннице некогда знаменитого баснописца Готлиба Конрада Пфеффеля. Несмотря на то, что в свадебном отпуске Тютчеву было отказано, он самовольно уехал, умудрившись по дороге потерять дипломатические шифры. Результат этой "поэтической вольности" - конец служебной карьеры. Он вынужден был подать в отставку. В том же 1839 году Тютчев вернулся в Мюнхен, но уже в качестве частного лица. Где жил

тогда поэт? Баварский архив сведениями о частных лицах не располагает. Господин Лейбниц, служащий Баварского архива, советует заглянуть в *Polizeikartenregister* в городском архиве. Мюнхенский городской архив - это хорошо организованное научно-исследовательское учреждение. Мою просьбу о розыске адресов Тютчева с большим вниманием выслушивает служащая архива, очаровательная госпожа Сабине Кнюттель. Мы просматриваем микрофильм полицейской регистрационной карты. Под №38461 следует тютчевское досье - цель моих поисков. Расшифровываем почерк немецких чиновников прошлого столетия.

Из досье Ф. И. Тютчева за номером 38461

Тютчев фон, Теодор, российский императорский поверенный секретарь из Турина (*Тютчев ещё на дипломатической службе в Турине*), 35 лет, с камердинером Маттиасом Хёльшлем, цель приезда - частный визит:

с 16 июня (18)38 - Бриннерштрассе 4/1 (*знаменатель означает этаж*), пансион Ганштейн;
с 2 июля (18)38 - Виттельсбахерплац 2/0, дом Нойзигля, 10 июля выбыл в Линдау (*и далее в Турин*);

с 7 ноября (18)38 - Бриннерштрассе 4/1, пансион Ганштейн.

Вышеупомянутый, из Турина в Москву, с (*второй*) женой (*Эрнестиной*), детьми (*от первого брака*) - Анной 10 лет, Дарьей 4 лет, Катариной 3 лет, гувернанткой Катей Ярдиной 24 лет: с 6 сентября (18)39 - Бриннерштрассе 18/0, дом художника Кирхмаура (*Тютчев написал заявление об увольнении из коллегии с 1 октября 1839 года*);

с 24 февраля (18)40 - Оттоштрассе 6/1, дом торговца вином Отто;

с 15 октября (18)40 - Карлштрассе 54/1, дом столяра Виханта, выбыли 24 мая 1841 года в Терезензе;

с 27 октября (18)42 - Людвигштрассе 7/3, дом торговца мукой Коппа.

Тютчева, жена вышеупомянутого, с детьми, из Петербурга:

с 22 октября (18)53 - Кауфингерштрассе 23, гостиница "Маулик" (*вероятно, она же - гостиница "Чёрный орёл"*),

с 26 октября (18)53 - Фюрстенштрассе 8, дом доктора Христмюллера, выбыли 1 мая 1854 года в Дрезден.

Баварское управление по уходу за памятниками

Отправляюсь в баварское управление по уходу за памятниками с тем, чтобы посмотреть список мемориальных мест Мюнхена. В отделе инвентаризации меня принимает первое лицо - доктор Хейнрих Хабель. Он фанатично влюблён в старый Мюнхен и знает историю каждого дома (на все старые строения существует летописное досье). Доктор Хабель показал мне карты Мюнхена всех временных периодов. Я увидел Мюнхен в тютчевские времена - время неузнаваемо изменило город. С разочарованием узнаю, что дом Кирхмаура на Каролиненплац простоял до 1859 года. Ныне на его месте современное здание правления баварского сбербанка. Подобная судьба постигла и большинство других зданий, указанных в полицейском досье Тютчева.

Интересуюсь судьбой здания, в котором до 1823 года находилось русское посольство, неизвестного мне дома на Герцогшпильтштрассе - небольшой хорошо сохранившейся улице в центре старого города. Выясняю, что в 1823 году Российская миссия, когда в ней уже работал и жил Тютчев, находилась на Герцогшпитальштрассе в доме 18.

Здание первого российского представительства при баварском дворе на *Герцогшпитальштрассе 18 (ныне №12)*, которое было также первым мюнхенским адресом Тютчева (1822 - 1823 гг.), сохранилось до сегодняшнего дня. В книге А. Алкенса "Мюнхен в металле и камне. Памятные доски, памятники, памятные места.", официальном издании Баварского управления по уходу за памятниками, мемориальная доска с именем Тютчева не упоминается. Доски и в самом деле на доме не обнаруживаю. По поводу её установки доктор Хабель рекомендует обратиться к обербургомистру. Воспользуемся его советом.

**Обербургомистру Мюнхена,
господину Кристиану Уде
Rathaus, Marienplatz 8,
D-80331 München**

Многоуважаемый господин Обербургомистр, в прошлом веке в Мюнхене в течение двадцати лет жил великий русский человек, знаменитый поэт и дипломат, Фёдор Тютчев: с 1822 года по 1837 в качестве дипломата, в 1839 - 1844 годы, как частное лицо. Тютчев был близким другом многих известных деятелей культуры - поэтов Гёте и Гейне, архитекторов Кленце и Гертнера, философа Шеллинга, филолога-эллиниста, ректора Мюнхенского университета Тирша. Он был

друзен с королём Людвигом Первым, состоял в родстве со знаменитыми немецкими фамилиями Ботмер, Гонштейн, Пфеффель, Теттенборн. Благодаря переводам Тютчева достоянием русской литературы стала поэзия Шиллера, Гёте, Гейне. Творчество Тютчева, особенно в мюнхенский период его жизни, является предметом исследования литературоведов Германии и всего мира. Как дипломат Тютчев много сделал для укрепления дружеских связей между Россией и Баварией. Достоверно известно, что как официальное лицо, аккредитованное в дипломатическом представительстве России при дворе Баварского королевства, он жил в зданиях российской миссии в Мюнхене по крайней мере по двум установленным в настоящее время адресам: в 1822 и 1823 годы на Герцогшпитальштрассе 18 (дом сохранился до сих пор, но под № 12), в 1832 - 1837 годы - на Каролиненплац 1 (здание не сохранилось, сейчас на его месте современное строение). К сожалению, имя Тютчева до сих пор не увековечено в мемориале Мюнхена. Мы полагаем, что граждане Германии с удовлетворением восприняли бы установку памятной доски с именем Тютчева на сохранившемся здании бывшей Российской миссии.

С уважением

редакция журнала "Зеркало Загадок"

Schattenlinien
herausgegeben vom
Institut für Heuristik
-Wege des Findens-
-Strukturen des Wissens-
Bezug: SupportEdition,
Postfach 610378, 10926 Berlin,
Tel. 618 70 34

Мой конь притомился,
Стопталась мои бацмаки,
Куда же мне ехать?
Скажите мне, будьте добры!
АТЕЛЬЕ
по ремонту обуви
Mommsenstr. 37,
S-Bahn Charlottenburg, Bus 109,
Tel. 324 59 85

ТВОРЧЕСКИЕ ОБЪЕДИНЕНИЯ БЕРЛИНА

В этом выпуске "ЗЗ" мы печатаем рассказ одного из участников объединения "СТУДИЯ" и члена редколлегии "ЗЗ" Леонида Каца. Как прозаик он публикуется в Берлине впервые.

Цена познания

Леонид Кац

Я научился читать довольно рано: мне было тогда 5 лет. Нет, я не хочу сказать, что я был вундеркиндом; напротив, некоторые дети постигают это искусство и в 4 года. Первым моим "букварём" было заглавие газеты "Правда". Я очень удивлялся, что эти буквы образовали слово, смысл которого я твёрдо знал, так как мои родители требовали от меня правды гораздо чаще, чем им удавалось её от меня получать. И, наверное, с тех пор этот смысл и то, что это слово как название газеты в моём сознании окончательно разошлись: правду от меня требовали родители отнюдь не в виде газеты, а в виде привычки не говорить неправды, в чём я был, во всяком случае тогда, отнюдь не ангелом. Но это, как говорили не раз другие авторы - уже совершенно другая история. . .

Так или иначе, а в шесть лет я уже достаточно бойко читал, и делал это с большим удовольствием, хотя, естественно, далеко не всегда понимал смысл прочитанного. Я нарочно останавливаю именно на шестилетнем возрасте, потому что тогда произошло событие, или, вернее, ряд событий, которые, собственно, и составляют основу этого эссе.

Меня тогда в первый (и, слава Богу, в последний) раз в жизни отдали в детский садик. Помню, как гордо и, признаюсь, несколько презрительно я общался со своими товарищами, которые с большим трудом на занятиях собирали простые слова из букв на кубиках, такие, как "мама" и "ёлка". Презрение было неосознанным, чисто-интуитивным, и только через много лет я понял его причины.

Мозг вступающего в жизнь малыша проделывает огромную работу, более интенсивную, чем мозг взрослого, перерабатывая информацию о внешнем мире в надежде извлечь из отдельных

разрозненных фактов какие-то закономерности. Так, определённые сочетания букв, подобранные по определённым законам рождали нечто большее, чем эти простые сочетания, а именно - смысл получившихся слов. Просто кубики, пусть даже с буквами, бессмысленно лежащие под руками занимающихся детей этого "нечто большего" не имели; усилия же детских мозгов, осмысливающих качественный прыжок к смыслу слов, были приложены мною раньше. Отсюда и презрение, и ещё большее удовольствие от чтения. Всё, что находилось в садике и было составлено из букв, а, следовательно, могло быть прочитано - мною и было прочитано, вплоть до надписей в гардеробе, где на каждом шкафчике имелась картинка, а над ней - наклеенная бумажка с именем и фамилией владельца шкафчика. Помню, на моей картинке была нарисована жёлтая груша. Я долго вглядывался в эту грушу и всё размышлял, почему мне досталась именно груша. Вернее, не почему досталась: я ещё не понимал, что это была, конечно, случайность; меня мучил вопрос - что же такого общего воспитательница нашла в этой груше и во мне? Загадка была для меня ещё непостижимей оттого, что груш я вообще не любил. Однако сочетание груши с моим именем на бумажке в конце-концов убедили меня, что этот шкафчик, хочу я того или не хочу - мой. В этом недоумённом убеждении я был, пожалуй, более счастлив, чем одна девочка из младшей группы, которая никак не могла освоить своего шкафчика и плакала, подходя к нему: она боялась медведя, который был нарисован на её картинке. Медведь этот, помню, был свирепый и с разинутой пастью, и тоже никак не хотел "выдавать" чего-то, что сближало бы его с девочкой. Для меня это была, пользуясь взрослой терминологией,

ещё одна недоказанная закономерность.

Конечно, все эти детские переживания, для взрослых или непонятные, не существующие, с точки зрения шестилетнего человека очень важны; я и сейчас, на склоне своих лет, ещё о них не забыл.

Однако вернёмся к гардеробу.

На его стене висел плакат, сначала мной не замеченный, но потом привлекавший моё внимание всё больше и больше. На нём был изображён мальчик, лежащий в кровати и, по-видимому, засыпающий, и его мать, одной рукой поправляющая одеяло; другая рука была из-за кровати не видна. На плакате кроме того был целый набор букв поменьше, а над всем этим - крупный призыв: "РЕЖИМ РЕБЕНКА ДОМА". Что такое "режим" я тогда ещё, понятно, не знал, и прочитал это слово как "режем", с удивлением на первом слоге, и понял как одну из форм глагола "резать". При этом орфографической несообразности тогда я не видел. В связи с этим хочу отметить, что и сейчас знаком с несколькими людьми, для которых подобного рода орфографических несообразностей вообще не существует, хотя эти люди пребывают в гораздо более солидном возрасте.

Короче, я воспринял плакат как призыв, как совет родителям, что нужно делать со своими детьми дома.

И когда некоторые родители подходили к этому плакату и внимательно его изучали, а иногда даже переписывали мелкие буквы, и я это замечал, то, помню, с интересом и тайной

надеждой подходил назавтра к детям этих родителей, с любопытством, пристально их рассматривая, тщетно ища подтверждения ещё одной открытой мною закономерности. Подтверждений, понятно, не было, и это рождало некоторую нервозность.

Но вот однажды я сообразил, что и моя мать, приходившая в гардеробную каждый вечер, чтобы меня забрать, вполне вероятно может этот плакат заметить, и тогда я стал самым несчастным мальчиком на земле. Уже во время ужина я вскакивал с места за столиком и мчался поближе к шкафчику, чтобы дождаться матери, и, когда она придёт - увести её в другой угол гардеробной, чтобы она ни за что плаката не увидела и не взяла бы примера с мамы засыпающего мальчика, которая только и ждёт момента, чтобы воспользоваться ножом, зажатым, по-видимому, в другой, не видимой для меня руке. Недели три, в то время как другие дети ужинали или играли в зале, я дежурил после ужина в гардеробе, а придя домой - никак не мог, вернее - не хотел засыпать в своей кровати, чтобы - кто его знает? - не быть зарезанным во время сна, как тот мальчик на плакате.

Надо сказать, что я был взят из садика очень быстро, не знаю почему. Однако долговременные психологические стрессы, пережитые там мною, не забыты и сегодня.

А ведь как часто мы, становясь взрослыми, их забываем. . .

А зря!

Русские паломники в Палестине

К трехтысячелетию Иерусалима

Шимон Черток

Странник, имевший "паломническую книжку", платил 57 рублей за поездку в Иерусалим, а также по 13 копеек в день за койку, обед и кипяток для чая. . . "Наши мужики и бабы чувствуют себя в Иерусалиме как дома. . ."

Россия испокон веков была связана со Святой землёй - паломничество туда началось в 11-м веке. Игумен Даниил Заточник, побывавший в Иерусалиме в 12-м веке, воздвиг неугасимую лампаду у Гроба Господ-

ня от имени всея Руси. Стоя на вершине Елеонской (Масличной) горы, Даниил Заточник сказал "Есть же святой тот град Иерусалим, и около него горы каменные велики и высоки. Никто не может не

прослезиться”.

До середины прошлого века на далёкий путь из России решались лишь отдельные смельчаки. В изданных в Петербурге в 1837 году “Очерках из Иерусалима” говорилось: “Мы странствуем по пустынному городу, где царствует мрачное безмолвие и который богат только великими воспоминаниями”.

Массовому паломничеству в Святые места способствовало развитие путей сообщения. Новороссийская пароходная экспедиция стала ежегодно перевозить в Палестину по несколько тысяч паломников. Они добирались до Одессы, а оттуда плыли пароходом до Яффы.

В 1847 году в Иерусалиме была учреждена Русская духовная миссия. “Я оставил в стороне все свои остальные дела и целиком предался одной-единственной цели - утвердить имя России в Святой земле, дабы стали мы здесь не только пришельцами, но и законными владельцами, по неотторжимо-му праву собственности”, - записал в своём дневнике первый руководитель Русской духовной миссии в Иерусалиме архимандрит Антоний (Капустин), бессменно находившийся в этой должности 27 лет.

Как и другие государства Европы, Россия хотела отхватить как можно больший кусок распадавшейся Османской империи. Интересы Церкви и правительства тут совпали. Современник объясняет их так: “Усиление пропаганды католической и протестантской в Иерусалиме неожиданно пробуждает интерес к Святой земле и состоянию православия на Востоке у нашего правительства”.

В 1858 году был основан Палестинский комитет во главе с братом царя великим князем Константином Николаевичем. Комитет финансировал приобретение земли и участков, имеющих культурно-историческое и культовое значение, сельскохозяйственных угодий и обширное строительство.

21 мая 1888 года в Петербурге, во дворце великого князя Николая Николаевича-старшего, было торжественно открыто Право-

славное палестинское общество, пришедшее на смену Комитету и позднее получившее название Императорского. Перед Первой мировой войной в Палестине, прежде всего в Иерусалиме, было 11 русских церквей, 7 монастырей, 17 гостиниц для паломников, больница, 4 санатория, 25 школ, 2 семинарии и ещё 32 единицы крупного недвижимого имущества. Отделения ИПЮ, которые возглавил великий князь Сергей Александрович, были открыты в 50 городах. Государственное казначейство ежегодно выделяло ИПЮ 30 тыс. рублей, а членские взносы составляли 25 руб. с человека. Но главным источником средств был “кружечный” сбор во всех православных храмах в Вербную субботу и в Вербное воскресенье.

В десятые годы нашего века на Пасху в Иерусалиме собиралось до десяти тысяч русских паломников - столько же, сколько всего христианского населения жило тогда в Палестине. В городе открылись русские бакалейные и книжные лавки, иконописные мастерские, устанавливались котлы с водой для питья и стирки белья, действовали хлебопекарни, общественные кухни и бани. Один из паломников писал: “Везде звучит русская речь . . . Наши мужики и бабы чувствуют себя здесь, да и вообще в Иерусалиме, как дома, и, подобно англичанам, искренне удивляются и даже негодуют, когда кто-нибудь их не понимает”.

Странник, имевший “паломническую книжку”, платил 57 руб. за поездку от Петербурга до Иерусалима и обратно, а также по 13 копеек в день за койку, обед из двух блюд и кипяток для чая. Это покрывало лишь 35% расходов на путешествие, остальное добавляло Палестинское общество. Большинство богомольцев было людьми скромного достатка - монахи, крестьяне, мастера, хотя в общем потоке встречались и люди состоятельные, и представители искусства - Н. Гоголь, П. Вяземский, И. Бунин, В. Верещагин, В. Поленов и др.

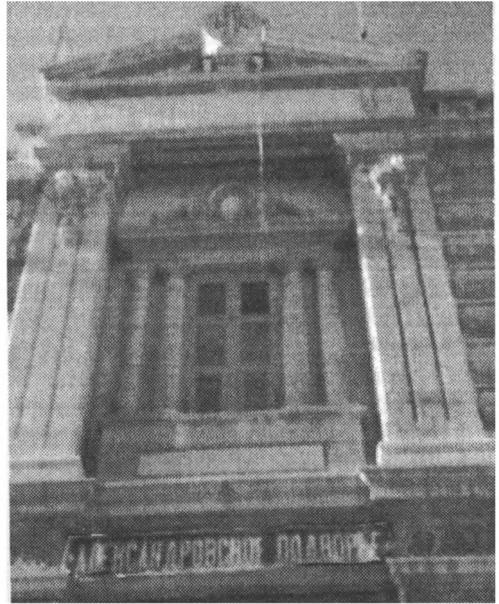
В Израиле сохранилось много памятников той поры, когда паломничество на Святую

землю было массовым. В Рамле - русский странноприимный дом, теперь относящийся к греческому монастырю, церковь недалеко от Назарета, теперь заколоченная - она была построена в 1884 году русской благотворительницей М. Киселёвой, целый русский городок в самом Назарете с подворьем для паломников, амбулаторией, школой, семинарией и храм на горе Фавор, построенный в 1882 году на личные средства великого князя Сергея Александровича.

Первым и самым крупным российским приобретением был участок недалеко от Старого Иерусалима. Его купили в 1860 году за 733 910 рублей и обнесли стеной. На нём было построено семь зданий - город в городе - Русское подворье: действующая поныне церковь Св. Троицы с десятью зелёными главками и первыми колоколами, разрешёнными в Иерусалиме турками, больница, постоялый двор для паломников-монахов, русское консульство, Русская духовная миссия, Елизаветинское и Сергиевское подворья и чуть в стороне Николаевское подворье для высокопоставленных и состоятельных паломников. Всё строительство было завершено в 1903 году.

Русское подворье стало самым большим из всех владений иностранных держав в Палестине. В пределах и вне стен Старого города русскими были приобретены также и многие другие участки, большинство из которых остались незастроенными: покупка земель была капиталовложением, так как стоимость их росла. Попутно вытеснялся соперник - греческая православная церковь.

Самые ценные приобретения были сделаны вблизи святых мест христианства. Рядом с храмом Гроба Господня было построено Александровское подворье с действующей до сих пор церковью Св. Александра Невского. Место это купило правительство для постройки русского консульства, но при закладке фундамента строители наткнулись на саринную стену трёхметровой высоты, римскую мостовую и основание ворот с порогом. Учёные установили, что это Судные врата, через которые Христа вели на

Голгофу. У Судных ворот кончалась городская черта и проходила стена - римский служитель сопровождал осуждённого на казнь до этих ворот, вешал ему на шею приговор, с той минуты не подлежащий обжалованию, и дальше с осуждённым шли только солдаты и палачи.

Планы постройки пришлось изменить, а над порогом в 1896 году построили храм. Место, где обнаружен порог, называется с тех пор Русскими раскопками.

В Гефсиманском саду, вблизи гробницы Богоматери стоит прекрасная церковь - образец московского архитектурного стиля, с пятью золотыми куполами, действующая до сих пор. Внутри неё - иконостас из белого мрамора, с орнаментом и вратами из тёмной бронзы и иконами кисти В. Верещагина. Она была сооружена в 1888 году на личные средства императора Александра Третьего, в память его матери Марии Александровны. При освящении храма присутствовали брат царя, председатель Палестинского общества великий князь Сергей Александрович и его жена, родная сестра

императрицы, великая княгиня Елизавета Фёдоровна. (В 1905 году Сергей Александрович - в то время генерал-губернатор Москвы - был убит эсером-террористом Каляевым, и председателем Палестинского общества стала сама Елизавета Фёдоровна. В 1918 году под Екатеринбургом она была расстреляна большевиками. Через три года её останки удалось перевезти в Иерусалим. Елизавета Фёдоровна похоронена в этом храме. В 1981 году она была причислена Русской церковью за границей к лику святых.)

Этот храм находится на территории женского русского Гефсиманского монастыря. У ограды - место, упомянутое в новозаветном предании: мать Божия после своего усновения бросила здесь неутешному апостолу Фоме свой пояс и благословила апостолов. Обитель была основана в 1934 году принявшей православие англичанкой Варварой Робинсон, ставшей после пострижения игуменьей Марией.

На самой вершине Елеонской горы стоит 64-метровая белая колокольня с православным крестом. Здесь находится русский женский Елеонский монастырь, открытый в 1906 году.

Все русские церкви и монастыри в Иерусалиме, кроме Троицкого собора в Русском подворье и Горненского женского монастыря в Эйн-Кареме под Иерусалимом, принадлежат Русской православной церкви за границей. Первая мировая война и последовавшая за ней революция в России создали вокруг русского имущества в Палестине сложную ситуацию. Из России прекратилось паломничество в Иерусалим. Большевистский режим объявил себя наследником собственности Российской империи, но русское имущество на Святой земле не вызывало поначалу интереса у советской власти. Связь была прервана.

Русская православная церковь за границей, сформированная в 1921 году, взяла на себя управление Русской духовной миссией и Православным палестинским обществом в Иерусалиме. Образовались, таким

образом, два Палестинских общества и два представительства русской церкви на Святой земле. Великобритания, к которой Палестина отошла в 1920 году в качестве подмандатной территории, продолжала считать наследницей духовных ценностей православия "белую" церковь. Но деятельность её в Палестине приходила в упадок из-за того, что перестали поступать пожертвования от верующих из России, и она существовала на средства, получаемые от сдачи в аренду апельсиновых участков, купленных в прошлом веке. Русским подворьем завладели англичане. Постоялый двор для монахов-паломников стал центральной тюрьмой (теперь здесь музей борьбы против английских колонизаторов). Русская больница превратилась в военный госпиталь, а в Николаевском подворье расположилась полиция.

Ситуация осложнилась в 1948 году после образования государства Израиль. Уход англичан и Война за Независимость разделили Палестину между еврейским государством и Иорданией. Русские церковные владения также оказались разделёнными. СССР потребовал вернуть ему ту их часть, которая оказалась на территории Израиля. В то время Бен-Гурион был признателен Советскому Союзу за поддержку в ООН и за чешское оружие, доставляемое к берегам Израиля в самый трудный период Войны за Независимость. В результате российское церковное имущество, оказавшееся на территории Израиля, было передано "красной" церкви административным распоряжением. Те, кто его отдал, объясняли впоследствии, что священники и монахи бежали, бросив имущество, и, с юридической точки зрения, оно считалось бесхозным. Русская церковь за границей отрицает это. В свою очередь, она утверждает, что последние оставшиеся монахи и священники были изгнаны. Всё же Русская зарубежная церковь большую часть имущества сохранила, так как оно находилось на территории Иордании.

В начале 60-х годов Советский Союз решил продать большую часть принадлежащих ему в Иерусалиме земель и владений.

Возможно потому, что территории и постройки на них не приносили дохода, а, наоборот, требовали ухода. Переговоры длились два года и завершились в 1964 году подписанием "апельсиновой сделки": Израиль расплатился поставками цитрусовых на сумму 4,5 млн. долл. Часть церковного имущества была сдана израильскому правительству в аренду. Было откуплено почти всё Русское подворье, кроме церкви Св. Троицы, старого здания миссии Московской патриархии и здания, где миссия располагается сегодня.

За пределами Иерусалима остались не проданными участок и церковь Св. Марии Магдалины на горе Кармель в Хайфе, участок с часовней на озере Кинерет, апельсиновый сад, гостиница и церковь святых Петра и Павла в Яффе (она была построена в начале века, когда русским консулом в Яффе был барон Устинов, отец английского киноактёра Питера Устинова). Московская патриархия владеет и женским монастырём "Горнее" в Эйн-Кареме под Иерусалимом, основанным в 80-х годах прошлого века в память библейского предания о посещении этих мест девою Марией. Арабы называют это место Эль-Московией.

Приезжавший недавно в Израиль бывший министр иностранных дел А. Козырев предъявил права на церковную собственность, которая перешла во владение Израиля. Речь шла о шести участках. Некоторые из них, возможно, будут переданы без спора. Судьба других не ясна. К ним относится участок напротив Дамасских ворот старого города Иерусалима. До 1967 года он находился на нейтральной полосе между Израилем и Иорданией.

Ещё сложнее вопрос о правах на Сергиевское подворье в Иерусалиме, в котором теперь находятся министерство сельского хозяйства и Общество охраны природы Израиля. Здание было построено Императорским палестинским обществом и зарегистрировано на имя его председателя ве-

ликого князя Сергея Александровича. Наследницей его имущества стала вдова Елизавета Фёдоровна. Детей у них не было. Спор идёт о том, принадлежит ли это здание родственникам великого князя и его жены или Палестинскому обществу, наследником которого являлся СССР, а теперь Российское государство. Деньги за аренду этого здания в течение всего периода британского мандата и существования государства Израиль отчисляются в Опекунский совет - учреждение, несущее ответственность за имущество *безвестно* отсутствующих владельцев.

Для выяснения всех аспектов, связанных с имуществом русской церкви в Израиле, образована специальная группа из сотрудников министерств иностранных дел, юстиции и религии, которой поручено вести переговоры с московскими представителями. Но проблемой имущества Русской зарубежной церкви и её претензии к Московской патриархии эта группа не занимается. В своё время "белая" церковь обращалась с исками в суд, но проиграла их. Однако опасения, что российские требования угрожают нормальному функционированию учреждений Русской церкви за границей в Израиле, неосновательны: их деятельность осуществляется так же, как и прежде. Правительство Израиля считает законными обе русские духовные миссии в Иерусалиме.

Благодаря деятельности Русской зарубежной церкви никогда не прекращалось паломничество верующих русских людей из свободного мира в Святую землю. На фронтонах зданий Русского подворья в Иерусалиме, в том числе и принадлежащих теперь Израилю, сохранились исторические названия: "Вениаминовский приют", "Мариинское подворье", "Русская духовная миссия", "Русская больница" и др. Эти здания по-прежнему украшают эмблемы Императорского православного палестинского общества и изречение пророка Исайи: "Ради Сиона и ради Иерусалима не умолкну и не успокоюсь".

Печатается по тексту "НПС" 1995

НАША ЮРИДИЧЕСКАЯ СПРАВКА.

Иосиф Химмельман

"Дубликаты бесценного груза"

DVAuslG. Инструкции по применению закона об иностранцах
Раздел 3 (перевод закона сокращенный, близкий к оригиналу)

ПАСПОРТНЫЙ РЕЖИМ

§14. (1) В качестве документов для иностранцев, заменяющих паспорта, в Германии введены: 1. *das Reisedokument*, 2. *die Grenzgängerkarte*, 3. *der Reiseausweis* как *Paßersatz*, 4. *der Passierschein* для лётного персонала, 5. *der Landgangsausweis*.

(2) В качестве документов для иностранцев, заменяющих паспорта, в Германии признаются: 1. *Reiseausweise für Flüchtlinge*, выданные на основании а). Лондонского соглашения от 15.10.1946 г. или б). Договора о правах беженцев от 28.07.1951 г. 2. *Reiseausweise für Staatenlose* (для лиц без гражданства), выданные на основании соглашения о правах лиц без гражданства от 28.09.1954 г., 9. *Kinderausweise* без фотографии для детей до 10 лет, с фотографией для детей от 10 до 16 лет, II. документы, заменяющие паспорта, выданные иностранцам учреждениями других государств в случае, если они признаны министром Внутренних дел ФРГ и т. д.

§ 15. Reisedokument: выдача и продление.

(1) Иностранцу, который может предоставить подтверждение, что у него нет паспорта или равнозначного документа, и он не в состоянии его получить (в стране, из которой он прибыл - ред.), может быть выдан *Reisedokument*, если 1. ему предоставлен *unbefristete Aufenthaltsgenehmigung* или *Aufenthaltsbefugnis* (читайте "33" - 2 - ред.), или 2. *befristete Aufenthaltserlaubnis* и а). он живёт совместно с одним из членов своей семьи, являющимся гражданином Германии, или б). муж (жена) иностранца (иностранки) имеет *unbefristete Aufenthaltsgenehmigung*, или в). иностранец несовершеннолетний, и один из родителей имеет *unbefristete Aufenthaltsgenehmigung* и т. д. **(3)** *Reisedokument* вопреки абзацу I не выдаётся в случае, если просьба о предоставлении паспорта или документа, его заменяющего, отклонена (государ-

ством, гражданином которой иностранец является - ред.) в связи с уклонением от военной службы или от исполнения других выполнимых требований (которые и по законам ФРГ являются условием для выдачи паспорта) и т. д.

§ 17. (3) *Reisedokument* имеет действие во всех странах, за исключением той, гражданином которой является его владелец . .

**общественно-политический
и литературный журнал
еврейской интеллигенции
из СНГ в Израиле**

ДВАДЦАТЬ ДВА

заказы на подписку присылайте
по адресу:
"22", P.O.B. 44050, Tel-Aviv 61440.
телефон редакции: 03-394525

по средам и воскресеньям

**СМОТРИТЕ
РУССКОЕ ТЕЛЕВИДЕНИЕ
В БЕРЛИНЕ**

Spreekanal
среда - 22.30, воскресенье - 10.30

„Ausweisung von
Juden wäre
unerträglich“

VERMEIDE
NEURASTHENIE
FÜHRER LÄST
ZUGEN KÖ

KEINE
DEPORTATION
NACH
ISRAEL!

WIR SIND DES
HERUMKRENS
MÜDE

Wir möchten
keine Sozialisten
Wir möchten
arbeiten!

Wir möchten
bleiben!

ИЗДАТЕЛЬСТВО
ПЛАТОНА
БЕЛИН

БИБЛИОТЕКА У.М.С.А.
студенческой отделе.
• БЕРЛИН. •

Russisches
Archiv
In
Berlin

Либбиотека
der
Russischen Bücherzentrale
"ОБРАСОВАНИЕ"

G. m. b. H.
BERLIN W. 50
Nürnbergstr. 65.
Telef. Simult. 9143